Мои универсамы (черновая версия)

Святослав Логинов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своё время Евгений Лукин любил повторять, что Боря Штерн просто обязан написать "Штернтиментальное путешествие", а я, как человек, отработавший два года грузчиком в магазине, должен создать "Мои универсамы".

Памятуя, что лучше поздно, чем никогда, я взялся за это сочинение.

Выкладываю воспоминания в том порядке, как они пишутся. Потом всё будет перекомпановано и возможно написаны связки, чтобы текст не слишком рассыпался.

- Святослав Логинов
  -
  - УЧЕНИК
  - РАБОТА НА ЧЕСТНОСТЬ
  - БАРСИК
  - НАША КОШКА
  - МОРЯЧОК
  - СТРАСТИ ПО ПИВУ
  - ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ
  - СУХОЙ ЛЁД
  - МОЛОЧНЫЕ СТРАСТИ
  - ЛОТОЧНИК
  - КРУГОВОРОТ МАСЛА В ПРИРОДЕ
  - ВОРЮГА
  - ГРЕЧКА!
  - ТЯЖЁЛАЯ РАБОТА
  - ВИСЯТ БАНАНЫ ВЫСОКО
  - СОЧНАЯ ЖЕНЩИНА
  - ШКОЛА КОММУНИЗМА
  - POST SCRIPTUM
  - ***
  - ПОДВАЛЬЩИК
  - МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ
  - РОСТОВСКИЙ РАЗРУБ
  - ЛЕГКОТРУДНИК
  - ***

Святослав Логинов
Мои универсамы

По материалам ЖЖ автора.

Я сейчас в некотором затруднении. Прежде я никому не показывал черновой работы. Сейчас попробовал действовать иначе. И наткнулся на одну неприятную вещь… Дело в том, что я не обладаю абсолютной грамотностью. Слово «конъюнктура» я пишу через мягкий знак, а «мороженое» через два «н». Обычно готовую рукопись я откладываю на месяц, и, когда замыленный глаз очистится, выправляю не только языковые ляпы, но и грамматические ошибки. "Мои универсамы" пошли к читателю безо всякой правки, и меня уже несколько раз ткнули носом в грамматику. Более того, я заслужил поименование "песателя".

Только что, минут пятнадцать назад я закончил очередную главу «Универсамов», но если вас фрустрируют грамматические ошибки, которые я сейчас выправить не в состоянии, просто потому, что после завершения очередной истории я несколько не в себе, скажите мне об этом, и я не буду ничего выкладывать. Сначала закончу всё целиком, дам вещи вылежаться, выправлю ошибки и только тогда покажу читателям.

Решать вам. Только прошу, не надо больше грамматики. Словари у меня под рукой. Много словарей, и я пользуюсь ими каждый день.

С.Логинов

Собственно, ещё вчера, нажав кнопку «Отправить» я сообразил, что отвечать на моё письмо будут только те, кому надо, чтобы тексты продолжали выкладываться. Но я подумать не мог, что вас так много! Спасибо вам.

Да и те, кто поправлял мои тексты, они тоже не хотели посмеяться надо мной или ещё каким образом обидеть. Просто люди не знали, что касаются больной точки, и хотели помочь.

Так что, ещё раз: Спасибо, что вы есть.

С.Логинов

УЧЕНИК

Славным погожим утром седьмого февраля 1985 года я впервые явился на новое место работы. На мне были лыжные ботинки, которых я не надевал уже лет пять, старые брюки, давно вздыхающие по помойке, пальто ещё студенческих времён и лыжная шапка «петушок». Наряд совершенно не соответствующий образу начальника бюро на большом военном заводе. Но я больше и не был начальником. Разочаровавшись в карьере, я ушёл с завода и теперь начинал жизнь с чистого листа, устроившись на работу грузчиком в Универсам № 30, что на проспекте Луначарского.

Приятно начинать мемуары таким образом. Читатель видит, какая великолепная у меня память и проникается доверием к каждому слову автора. Увы, с горечью должен признаться, что я не помню, какая погода была в февроале 1985 года, и саму дату я посмотрел в трудовой книжке. Лыжные ботинки и шапочка «петушок» на мне были, а вот на счёт пальто — не уверен. Вполне возможно, что оно было уже выкинуто, а на мне была куртка. И, вообще, вся история началась на несколько дней раньше.

Поставив жирный крест на карьере советского чиновника, я недели полторы наслаждался свободой, а когда повесть «Предтеча», так до сих пор и не опубликованная, была вчерне закончена, отправился в ближайший универсам, искать работу грузчика. Парень я был здоровый, физического труда не боялся. За моей спиной был опыт экспедиций, шабашка на крайнем севере и два сезона в тресте Ленмелиорация, где пришлось потрудиться чернорабочим. Была, правда, одна тонкость. В экспедиции я ездил студентом, на шабашку — во время собственного отпуска, а чернорабочим вкалывал по комсомольской путёвке в рамках Всесоюзной программы освоения Нечерноземья, а числиться продолжал инженером в уважаемом НИИ. Так что, все эти эпизоды трудовую книжку мне не портили, и всякий, заглянувший туда, видел неуклонный подъём по карьерной лестнице. А теперь я собирался замарать трудовой документ, вполне официально устроившись грузчиком.

Что происходило у меня дома, подробно сообщать, наверное, не следует. Ни одна нормальная женщина не станет радоваться, если муж с высокой должности добровольно уходит в пролетарии. Почему-то больше всего мою жену пугало, что я сопьюсь. Рассуждала она просто: все грузчики пьют, значит, я тоже стану пить. Пришлось дать клятву, что, пока я работаю грузчиком, пить я не буду ни при каких обстоятельствах. И действительно, эти два

года я был полным абстинентом, Новый Год встречал без шампанского и на банкете в честь защиты Таней диссертации, не пригубил ни единой капли спиртного.

Провожаемый слезами и дурными предчувствиями, я отправился устраиваться на новое место работы. Для начала отправился в ближайший универсам, что на Художников. Объявление на дверях универсама приветливо сообщало, что грузчики требуются. Кадровичка глянула в мою трудовую и сказала, что меня не примет.

— Почему? — неумно спросил я.

— Не доверяю.

Ответ прямой и исчерпывающий. Теперь, по прошествии многих лет, можно сказать, что подозрительная дама была не права. Грузчиком я оказался исправным, работал хорошо, не воровал, а скандал, с которым я увольнялся спустя два года (а я почти всегда увольнялся со скандалами), в конечном счёте, никому не доставил серьёзных неприятностей.

На следующий день я пошёл в Тридцатку, что на Луначарского 60, и безо всяких проблем устроился на постоянную работу. График работы грузчиков устраивал меня как нельзя лучше. Грузчики работали через день по четырнадцать часов. Отработаешь смену, и дома хватает сил только отмокнуть в ванне и завалиться спать. Зато следующий день весь в твоём распоряжении. Хочешь, гуляй с детьми, хочешь, сиди в библиотеке, хочешь, пиши рассказы. Субботы у нас все были чёрными, а если смена падала на воскресенье, когда универсам не работал, то оказывалось три выходных подряд, что было очень удобно летом.

Итак, с утра пораньше я явился на работу, получил у кладовщицы серую суконную куртку, чёрный передник и рабочие рукавицы. Таков отныне был мой рабочий наряд. В раздевалку входил с неким душевным трепетом и, как оказалось, зря. В грузчики кто только не попадает, и народ привык не удивляться и попусту не расспрашивать. Захочет новенький, сам расскажет. Назвал своё имя, переоделся и дружной пятёркой мы отправились вниз.

Грузчики в универсаме меняются часто, большинство задерживается ненадолго и вылетает по статье за пьянку или мелкое воровство, не оставив по себе памяти. Но первую бригаду я помню отлично. Фамилий друг друга мы не знали, всех звали на «ты» и по именам. У некоторых были прозвища.

Саня Хромой Глаз — единственный, кто прижился в магазине прочно, и два года спустя, когда я увольнялся, он всё ещё трудился на своём посту. Высокий худой, медлительный. Правый

глаз слепо поблескивал из-под покалеченной брови. Сколько Сане было лет, я не знаю, у сильно пьющих людей возраст неопределим. Но, всяко дело, больше пятидесяти. Прежде Саня был рыбаком, хаживал в загранку, наверное, неплохо зарабатывал. Но спился… это общая судьба едва ли не всех работяг. Саня был молчалив, о себе почти не рассказывал. Как-то, когда мы уже проработали вместе год, я спросил, кивнув на шрам, у слепого глаза:

— Где это тебя припечатало.

— Серьга с трала сорвалась, — коротко ответил Саня.

Хорошо, что я к тому времени успел поработать такелажником и знал, что такое серьга, а то бы гадал, что там произошло? А так понимал, что Сане ещё повезло: сошедшая серьга может и убить.

Саня Трамвайщик — мужик лет сорока, бывший вагоновожатый. Вот он о своей жизни рассказывал охотно: и как учился, и как работал, и как женился…

— Она говорит: «Я беременная», — Ну я и решил сдуру в любовь сыграть…

Никто Трамвайщика не расспрашивал, рассказывал он сам. Среднее специальное образование было заметно даже в его разговоре, заметно отличавшемся от скудных слов остальных грузчиков.

— В парке Леонова работала такая, Нина. Она моей наставницей была, когда я только пришёл. Так мы её поздравляли с юбилеем, она двадцать лет на маршруте без единой аварии. Торт ей купили здоровущий. Чаю попили и пошли по вагонам. А тут контроль, заставили её в трубочку дыхнуть. А у торта пропитка, вот и получилась положительная реакция. Её — раз! — и отстранили, что она, мол, пьяная. А я заступился. Сказал, что это торт, что я и сам этот торт ел. А они и меня заставили дыхнуть. Ну и уволили за кусок торта.

По тому, как Саня Трамвайщик пил, можно было догадаться, что не в торте там дело, но никто Саньке не перечил, слушали молча и соглашались. Начальники сплошь гады и любят чморить невинных; кто бы сомневался.

Витёк — молодой парень, маленький и вертлявый. Образования у него не было никакого, и кроме как грузчиком он и не работал нигде. Зато он был великим специалистом по части, что где стырить. Говорил быстро и неразборчиво, обильно уснащая речь словами, которые давно уже не воспринимаются ухом как матерные. Произносятся они подобно междометиям, когда медленная мысль не поспевает за говорливым языком. Так что, мнение, будто низшие слои нашего общества непрерывно

матерятся, совершенно ложно. Разумеется, запретных слов среди грузчиков нет, эвфемизмов они не знают, называя соответствующие органы человеческого тела и сексуальные действия теми словами, которые считаются непристойными. Но это никоим образом не ругань, а всего лишь простота нравов. Вот когда начинал ругаться кто-то из начальства, это был мат, исполненный грязи и скверны. А грузчики в массе своей не ругаются, это я знаю точно.

И последний, а, вернее, первый в нашей бригаде — Петя. Признанный всеми бригадир, хотя никаких бригадиров в штатном расписании не было. Был Петя широк в плечах, низок ростом, косолап и молчалив. Чёрного слова от него я не слыхивал даже в качестве смазки языка. Говорил он только по делу, и его слушались.

Когда я представился своим будущим коллегам, именно Петя спросил:

— Прежде работал?

— Нет, — ответил я, понимая, что под словом работа понимается труд грузчика и никакой другой.

— Вози тару, — сказал Петя и, повернувшись к Сане Хромому Глазу приказал: — Покажешь, как.

Если когда-нибудь мне доведётся вновь стать грузчиком, и в нашу бригаду придёт новичок, я тоже для начала пошлю его возить на рогах пустые молочные ящики. Дело, казалось бы, простое, но с непривычки стопки норовят рассыпаться, а рога то и дело наезжают на невидимые препятствия. Впрочем, через полчаса вертлявый инструмент уже слушался меня, а потом я обнаружил, что возить ящики с бутылками значительно проще, тяжесть прижимает колёса к земле, и рога не вихляются.

От Пети я услышал три правила грузчицкой работы. Они просты и несомненны. Первое: ничего не бери пальцами. Второе: ничего не поднимай руками. Третье: не касайся железом кости.

Объяснения правилам просты. Если во время работы давать большую нагрузку на пальцы, то через неделю они начнут нестерпимо болеть, а через год будут навеки искалечены артрозом. Пакеты, ящики, всякую мелочёвку, которую, казалось бы, так легко хватать пальцами, следует брать, зажимая ладонями. То же самое и с руками. Всякий груз, особенно на высоту, следует поднимать становой силой. В противном случае приступ миозита не заставит себя ждать. Попробуйте руками выжать на высоту два метра деревянный ящик с двадцатью бутылками подсолнечного масла. Для молодых и юных напоминаю, что в ту пору масляные бутылки были стеклянными, а это совсем иной вес, нежели терефталевые, в какие

расфасовывают масло сегодня. Всё вместе весит чуть больше двадцати килограммов. Вес не особо большой, но ведь масло по одному ящику не привозят; норма на машину двести пятьдесят штук. И когда в тридцатый раз вырываешь ящик на вытянутые руки, чтобы поставить его на самый верх стопки из шести таких же ящиков, оказывается, что руки имеет смысл пожалеть. Ящик поднимается толчком, что так красиво демонстрируют штангисты. А руки тут как бы и вовсе не при чём.

И, наконец, третье правило. Оно касается разгрузки мяса. Мороженая говядина приходит в магазин в полутушах, весом 120–180 килограммов каждая. Полутуши выволакиваются из фургона прямо на затоптанную и заплёванную эстакаду, затем их несут взвешивать и лишь после этого убирают в холодильник. Каждую полутушу несут два человека. Инструментом в этом деле является остро заточенный стальной крюк длиной около полуметра. Крюк вгоняется в мясную мякоть, другой рукой полутуша придерживается за голяшку. Вся тяжесть ложится на крюк и вытянутую руку. Но если крюк каким-то образом зацепил кость, его нужно выдернуть и воткнуть заново. С кости крюк может соскользнуть или сама кость переломится, и тогда стальное жало воткнётся прямиком в живот.

Во всякой профессии есть свои хитрости, без которых самая простая работа оборачивается мучительным, а то и опасным делом.

Примерно через месяц в бригаде произошла первая ротация. Мой наставник, бригадир Петя не вышел на смену. Не было его и через день. И только в следующий раз он появился. Шагал неестественно прямо, в руке белел сложенный листок с заявлением: «Прошу уволить меня по собственному желанию потому что я ушёл в запой и работать не могу».

Начальство Петю ценило, так что ему даже предложили оформить на время запоя отпуск, но Петя сказал, что пить будет долго, оставил заявление на эстакаде и, косолапо ступая, ушёл из универсама и моей жизни. На том и закончился месяц ученичества.

РАБОТА НА ЧЕСТНОСТЬ

В середине дня приходит машина с бормотухой. Двести пятьдесят ящиков с портвейном «Три семёрки». Работа тяжёлая и соблазнительная. В таких случаях в помощь эстакаднице Нилке прибегают дамы из винного, идёт тщательный пересчёт бутылок, а грузчики норовят неприметно тюкнуть у какой-нибудь бутылки горлышко; тогда напиток пополам с битым стеклом, оставшийся в донышке, идёт в их пользу.

Ситуация, как говорится, фрустрирующая.

Но на этот раз приехал знакомый шофёр, который знает нас всех, и мы знаем его.

— Ребята, на честность? — спрашивает шеф.

— На честность! — радостно подхватывает бригада.

Машина ставится к эстакаде, а Нилка с шофёром уходят пить чай. Из винного тоже никто не появляется. Открытая машина с бормотухой на полчаса остаётся в полном нашем распоряжении. Все знают: идёт работа на честность. Теперь, если окажется недостача или бой, они пойдут за наш счёт. Но ни того, ни другого не будет, грузчики своё дело знают.

На острие атаки оказываюсь я и Витёк. Здесь необходима скорость и слаженность. Мне работа на честность совершенно не нужна, но бригаду подводить нельзя, и я стараюсь.

Ящики с бормотенью тяжёлые, неудобные, иной раз не вполне целые. Схватишь такой рывком, дно может отвалиться, бутылки посыплются на бетонный пол. А сейчас, к тому же, речь идёт не просто о том, чтобы ставить ящики на тележку по четыре штуки. Каждый ящик я наклоняю, так, чтобы видеть уровень жидкости в бутылках. Не знаю, как на винзаводе осуществляется разлив, но в каждом ящике три-четыре бутылки налиты заметно полней остальных. Их быстро отставляю в заранее подготовленную тару. Из соседнего ящика ставлю в пустые гнёзда уже обработанные бутылки.

Витёк сидит рядом. В руке у него черенок алюминиевой ложки. Этим нехитрым инструментом он одну за другой вскрывает бутылки. Движения профессионально отточены, на каждую бутыль уходит секунды полторы.

Не так давно мне пришлось читать в каком-то дурном романе описание того, как мужики распивают бомбу бормотени. Так они, чтобы вскрыть бутылку, греют пробку зажигалкой! Дилетанты! Витькина ладонь на мгновение накрывает горлышко, черенок, зажатый четырьмя пальцами, зацепляет край полиэтиленовой пробки, — одно движение — и бутылка открыта.

Излишки портвешка сливаются в стоящую рядом трёхлитровую банку. Пробка ставится на место, хлопок ладонью — бутылка запечатана.

Витёк не просто виртуозно вскрывает и закрывает бутылки. У него верная рука, он никогда не отольёт лишнего. Не было случая, чтобы покупатель устраивал в винном отделе скандал из-за того, что бутылка недостаточно полна.

Обработанные бутылки ставятся в отдельный ящик, откуда я беру их, чтобы ставить на место вынутых.

Остальная бригада, три человека, не торопясь, аккуратно возят ящики на тележках, аккуратно сгружают их в отделе. Спешка здесь неуместна; надо дать нам с Витьком время, чтобы как следует обработать все переполненные бутылки.

С машины удаётся надоить пять-семь литров бормотухи. Трёхлитровые банки выносятся во двор и запираются в железном ящике, где дворник Михалыч хранит свой инвентарь. Михалычу семьдесят два года, он, как и я, человек непьющий, но грузчиков понимает, поэтому вино сбережёт, а напиться прежде времени не позволит.

Приходит шофёр, является Нилка. Работа на честность закончена.

Михалыч заканчивает смену на два часа раньше нас. Перед уходом он выставляет банки с бормотухой в укромину за штабелями пустой тары, где у грузчиков оборудована распивочная. Машин уже почти нет, и начальство сквозь пальцы смотрит на густое благоухание, идущее от работяг.

Откуда-то появляются наши сменщики, которые будут работать завтра. Они уже знают, что сегодня была работа на честность. Им наливают по стакашку. Появляются всевозможные потёртые личности, что вечно суетятся вокруг винных магазинов. Этих обычно гонят, хотя иной раз и им перепадает от наших достатков.

К девяти вечера, когда универсам закрывается, половина бригады уже не в силах переодеться, и уходит домой в рабочей одежде. Все довольны, настроение благостное. Мы сегодня работали честно.

И никто не знает, что пройдёт совсем немного времени, грянет горбачёвско-лигачёвская борьба с алкоголизмом, и ни о какой честности применительно к бормотухе, речи больше не будет.

БАРСИК

В каждом продуктовом магазине непременно есть кот. Санэпидстанция разрешает и кошку, но кошка, это необходимость возиться с котятами, поэтому заводится кот. Был кот и в нашей Тридцатке. Звали его Барсиком, был он необыкновенно пушист, ленив и труслив. О том, чтобы ловить или хотя бы пугать крыс (а именно ради этого СЭС и допускает существование в магазинах котов), и речи не шло. Барсик целыми днями возлежал на подстилочке в гастрономическом отделе и глядел, как фасовщицы режут колбасу. Колбасу Барсик не ел, питался он исключительно куриной печёнкой и сливками. Специально для него каждый день вскрывалось несколько кур, из которых вытаскивалась печёнка, и приносилась бутылка свежих сливок. Если бы грузчика или какого другого работника застукали за питьём государственных сливок, мало бы ему не было. Но ради Барсика магазин шёл на прямые убытки.

Фасовщицы любили Барсика без ума и прощали ему всё. По малой нужде Барсик ходил в торговый зал и гадил в витрину-холодильник, где были выложены пачки маргарина. Но даже это сходило ему с лап.

— Ничего, быдло сожрёт, — отвечали фасовщицы, если вдруг уборщица начинала жаловаться, что Барсик опять обделал маргарин.

Сколько лет прошло, а этой фразы забыть не могу. Добро бы говорили это дурные представительницы бомонда, высокопоставленные жёны. Так нет же — фасовщицы! На иерархической лестнице универсама они занимали предпоследнюю ступень, сразу вслед за грузчиками и уборщицей. Кассиры по сравнению с фасовщицами считались элитой. Но раз кто-то есть ниже фасовщицы, та будет задирать нос. Ни одна из этих дам нигде не училась, путяги, которую они когда-то закончили, вполне хватало для жизни. Но едва ли не каждая из них в свободную минуту напевала на известный мотивчик: «Феличита! Я учусь в Институте Советской Торговли, я вам не чета!»

Вот эти дамы и обожали Барсика самой пылкою страстью.

Нетрудно догадаться, что грузчики и уборщицы Барсика ненавидели, проходя мимо норовили поддать шваброй или садануть под рёбра тяжёлым грузчицким ботинком. А фасовщицы за то ненавидели всех, обижавших Барсичка.

Я старался не обращать внимания на зажиревшее животное. В конце концов, Барсик был не дурак и срал туда, куда ему

дозволялось. Ведь не выходил же он в торговый зал, ни по малой, ни по большой нужде в часы когда там толпились покупатели. Понимал, чем это может кончиться. А от грузчиков и испитых старух со шваброй увёртывался весьма ловко. А на меня привык не обращать внимания, зная, что я его не трогаю. И в нужный момент не сумел увернуться…

В тот раз мы разгружали охлаждённых кур, голенастых синих птиц по рубль семьдесят пять. Обычно ими торговали не в зале, а выдавали лоточнику, и тому были веские экономические причины, о которых я расскажу как-нибудь в другой раз. Но сегодня Володя-лоточник взял отгул, и кур свозили в одну из холодильных камер, выставленных на ноль градусов. Камера была пуста, и лотки с курами торчали ровно посредине, стопкой под два метра высотой.

Водрузив наверх последний лоток, я откатил тележку на эстакаду и вернулся, чтобы запереть камеру. Ещё издали заметил здоровенную крысу, которая прошмыгнула в холодильник, намереваясь полакомиться курятиной.

Крыс в универсаме было более чем достаточно, но в камеры, которые сплошь обиты стальным листом, они старались не забегать, понимая, что выбраться оттуда будет не так-то просто. Я быстро захлопнул дверь холодильника и оглянулся, ища подходящее оружие. Что делать, не люблю я крыс и живыми стараюсь не отпускать.

И тут из-за угла вальяжно выходит Барсик.

Я схватил за шкирятник не чающего дурного бездельника и отправил его следом за крысой. Потом навалился на заржавленный рычаг и не просто закрыл камеру, а задраил её, словно там невесть какая ценность хранится, и сейчас на дверь будут вешать пломбу.

Прошёл час. Среди фасовщиц началась паника: «Барсинька пропал!». Уже давно была выпотрошена дорогая курица, и печёночка, мелко порезанная ожидала в кошачьей миске, давно были налиты свежие сливки, а Барсик не приходил. Потом кто-то услыхал протяжные вопли, доносившиеся из запертой камеры.

Сбежалась чуть не вся смена. Беспомощно толкались в затянутую дверь и не могли отпереть. Это вам не колбасу резать, тут сила нужна.

Шаркая ногами, бригада грузчиков возвращалась из бакалейного. Соль разгружали; в бакалее хуже работы нет.

— Ребятки, откройте камеру. Там Барсинька плачет!

— Сами открывайте, — бурчит Саня Хромой Глаз, и бригада проходит мимо.

— Славик, ты хоть помоги!

Надо же, кто-то помнит, как меня зовут… Но мне и самому охота поглядеть, как Барсик управился с крысой. Наваливаюсь на рычаг и с третьей попытки (ну я его и зажал!) дверь отворяется.

Барсик, изогнув спину дугой, торчит под потолком на верхнем из лотков. Вся его пушистая шкура поднята дыбом и изображает неподдельный ужас. А внизу, у основания этого монумента в позе древнеегипетского сфинкса возлежит крыса и плотоядно поглядывает на орущего Барсика. Увидав меня, крыса метнулась к выходу, и я, вместо того, чтобы ударить её ногой, уступил дорогу. Этот пасюк заслужил моё уважение. В коридоре грянул многоголосый визг, крыса нырнула в макулатурный люк и исчезла в подвале.

Барсика сняли с пирамиды и унесли обихаживать в десять рук, а я пошёл обратно в бакалею, где пришла сахарная машина. Пакеты с сахаром укладывают в контейнера на колёсах; там и один человек справится. Вернулся на центральную эстакаду как раз вовремя, чтобы услышать, как одна из фасовщиц объясняет Мармеладовне, сменившей Нилку на посту эстакадницы:

— Барсику плохо с сердцем!

Аптечка хранилась на эстакаде. Дамы долго перебирали бутылочки с медикаментами, а потом, умницы, догадались напоить Барсика валерьянкой. Ужратый Барсик ворвался в торговый зал и на глазах у покупателей обдристал жидким помётом весь маргарин. Был скандал, крик, гневные записи в «Книге жалоб». Изгаженный маргарин срочно убрали, обещав, что спишут, витрину принялись мыть какой-то дрянью, отбивающей запахи.

Разумеется, никто и не подумал что-то списывать. Маргарин отвезли в рыбный отдел, выложили в ванну, где обычно размораживалась рыба, сполоснули раствором марганцовки, а через день уже вовсю им торговали в святом убеждении, что быдло схавает. Так оно, в конце концов, и вышло.

А Барсик продолжил беспечальное житие под крышей универсама, но с тех пор шарахался от меня, как от зачумлённого.

НАША КОШКА

У грузчиков тоже есть своя кошка. Хотя, это громко сказано: «своя». Кошка живёт вполне самостоятельно и, как сказано одним англичанином, «ходит где вздумается и гуляет сама по себе». Имени у кошки нет, а живёт она во дворе, среди винных и пивных ящиков. В магазин кошку не пускают, если эстакадницы: Нилка или Мармеладовна видят, что помоечница хочет прокрасться внутрь, немедленно поднимается крик и в пришелицу летит, что под руку попало. Впрочем, кошка уже давно не предпринимала таких попыток.

Никому из грузчиков и в голову не приходит, что кошку следовало бы подкормить; наша кошка кормит себя сама, причём в мусорный бак она лезет только с очень большой голодухи. Обычно кошка охотится.

Машин нет, бригада сидит во дворе на ящиках, греется на весеннем солнышке. По замусоренной земле бродят голуби. Что-то клюют, во дворе универсама всегда есть, что поклевать.

Кругом на чудовищную высоту вздымаются винные и пивные ящики. Как Михалыч поднимает их туда, остаётся его секретом. Двадцать винных ящиков, поставленных друг на друга, это больше десяти метров. Там, на самом верху, сжавшись в комок, сидит кошка. Немигающими жёлтыми глазами смотрит на голубей. Выбрав миг, она кидается с высоты на не чающих дурного птиц. Голуби громко разлетаются, уступая дорогу падающему шару. Но в этот самый миг кошка распускается небывалым цветком, изворачивается в воздухе и зацепляет одной лапой летящего голубя. Тот изо всех сил хлопает крыльями, но сорваться с острых крючьев не может. Кошка, словно на парашюте спускается на заполошно бьющемся голубе. Ещё в воздухе она подтягивается ближе к добыче и когтит её второй лапой. А, оказавшись на земле, немедленно впивается зубами в шею.

С голубем покончено. Он ещё полощет одним крылом, словно говоря: «Прощай, жизнь!» — а хищница уже тащит его в укромину позади ящиков.

Грузчики одобрительно кивают головами. Голубей не любит никто, во время разгрузки хлеба или круп эти поганцы врываются в машину, гадят на продукты и лезут рабочим в лицо. Отвратительные создания, летучие крысы. Польза от них одна — сытный прикорм нашей кошке.

Тунеядец Барсик изо всех своих обязанностей исполняет лишь одну: брюхатит окрестных кошек. Не избежала общей судьбы и наша любимица. Отходила в тягости и в положенный

срок родила пятерых котят. Логово для них устроила в нашей распивочной в одном из ящиков. Мужики не возражали, покорно передвинувшись ближе к середине двора. Даже предупредили сменщиков, чтобы из этого угла ящики не вывозились: там кошка живёт. Ответ был: «Сами знаем». В коллективах подобных нашему, бедность словарного запаса компенсируется единообразием мысли. В большинстве случаев слова оказываются просто излишними.

Через неделю во дворе появилась ещё одна роженица. Очевидно, пришла в надежде, что Барсик начнёт платить алименты или ещё как-то поддержит её материально. Ничего не дождалась, родила в одном из ящиков пятерых котят и сгинула, оставив детей на произвол судьбы. Котята лежали кучкой, мявкали. К вечеру один помер. Остальных нашла наша кошка и перетаскала подкидышей к своим детям. Как она управлялась с девятью детьми, неведомо, но больше не умер ни один.

Примерно раз в неделю в универсам приходил таровоз, который увозил пустые винные ящики на тароремонтный завод. Разумеется, всё ящичное богатство один таровоз забрать не мог, часть двора оставалась захламленной. Зав гастрономическим отделом, на котором числились все эти ящики, указывал, что вывозить в первую очередь, что попозже. Нам было безразлично, откуда забирать тару, но сейчас в одном из углов двора жила наша кошка, и, когда таровоз прикатил в очередной раз, мы проявили редкостную тупость, освободив не тот угол. Гастрономщик матерился, кричал, что там ящики уже гнить начинают, но мы смотрели тусклыми глазами и не понимали ни хрена. Заповедный угол оставался не тронутым.

И, наконец, наступил знаменательный день: кошачье семейство покинуло логово. Почему-то мне кажется, что кошка специально приурочила парад-алле к тому моменту, когда мы пятеро сидели на ящиках. Хотя, скорей всего, она вывела котят в ту минуту просто потому, что во дворе не было ни одной машины.

Глядя на происходящее, я понял смысл фразы: «Королеву играет свита».

Кошка, тощая, ободранная, с иконописным пламенем в глазах, не шла, она шествовала в полном соответствии с важностью момента. А сзади цепочкой, словно пажи за венценосной повелительницей вышагивали её дети. Сначала пятеро постарше — родных, следом, четверо помладше — приёмные. Все пушистые, чистые, ухоженные. Все одной дымчато-серой масти, в беспутного папашу. Они не веселились, не сбивали строй, они играли королеву.

В свой черёд пришла машина с тароремонтного, мы, наконец, уяснили, чего от нас хотят, и вывезли ящики из дальнего угла. Чего только там не было! Асфальт надёжно скрылся под толстым слоем слежавшихся перьев, голубиных голов, крысиных хвостов и лапок, клочьев свалявшейся шерсти. Это было невозможно подмести, мусор Михалыч сгребал лопатой. Какой огромный труд, какая немыслимая тягота выпала на долю бездомной кошки! Каждая из этих крыс бралась с бою, за любым голубем приходилось охотиться. Но кошка не сдалась, её вела святая идея: среди ящиков ждали дети.

В тот же день я совершил в магазине хищение: спёр Барсиковы миски с куриной печёнкой и сливками. Вынес миски во двор, поставил у стенки. Но было поздно, наша кошка, вырастив детей, навсегда покинула двор универсама.

МОРЯЧОК

Лёше Моряку лет около пятидесяти, а быть может и меньше, возраст у людей нашей профессии определяется с трудом. Взяли его на место ушедшего Сани Трамвайщика. Редкое дело, Саню не уволили, он действительно ушёл сам. Решил бросить пьянку и вернуться в трампарк, сначала сцепщиком, а там, глядишь, и снова вагоновожатым. Подшился, отработал положенные две недели и уволился. На его место через пару дней пришёл Лёша Моряк.

Грузчики не часто и не охотно рассказывают, кем они были в прошлой жизни. Но Лёша не таков. Первым делом он представился:

— Мичман. На подлодке служил, на атомной. Сейчас в отставке, нашего брата в сорок пять на пенсию отправляют. Пенсия большая, всё тип-топ, только я так не могу. Мне дома у телевизора киснуть не интересно. Вот и пошёл к вам, подразмяться…

Мужики кивают: В грузчики по каким только причинам народ не попадает.

— Я пенсию жене отдаю, пусть тратит, а это себе, на пиво. Это моё, она и не спрашивает, сколько мне тут платить будут.

Мужики кивают: Это хорошо, когда жена не спрашивает…

— Я весь свет объездил, две кругосветки за плечами…

Мужики кивают.

Раньше наши беседы были обстоятельно неторопливы. Вспоминали, кому где и что досталось выпить на халяву, какая случалась пруха или непруха, как начальство, бывало, привязывалось к людям и портило жизнь. Теперь разговоров нет, есть Лёшин монолог.

— Глубина сорок метров, вроде бы и небольшая, а попробуй, выплыви. И вода холодная, Баренцево море это тебе не Карибы. Меня командир первым послал. Ты, говорит, мелкий, ты в торпедном аппарате не застрянешь. Главное, выплыви, а там уже подберут…

Но и у Лёшки основная тема, не как плавал и тонул, а что и где довелось выпить. Про блудливых адмиральских жён, которые требуют у мужа самых статных моряков якобы для выполнения работы по дому, а на самом деле для постельных утех, про всякого рода самодуров с большими звёздами на погонах. Героем всех рассказов неизменно был сам Лёша.

— Этого адмирала весь флот знал. Он, как в запой уйдёт, останавливает первого встречного моряка и заставляет с ним по

ресторанам ходить. А меня в поезд с собой взял, и мы всю неделю из вагона-ресторана не вылазили. Во Владивосток приехали, он говорит: «Молодец, мичман, свободен!», а я отвечаю: «Товарищ адмирал, мне на службу надо возвращаться, а у меня ни денег, ни документов». Где служишь? — спрашивает. — В Северодвинске! А мы с ним во Владивостоке! В общем, привёл он меня в штаб флота, и мне там документы проездные выдали, командировочные и справку, что я выполнял особое задание командования.

Мужики кивают. Лишь однажды я, наклонился к Сане Хромому Глазу, который, пока не спился, плавал на рыболовецких судах, и тихо сказал:

— Вроде бы, я эту историю прежде слыхал…

— И я слыхал.

— А вот ещё… — Лёша Морячок неостановим.

Грузчики начинают работу в семь утра, за час до открытия универсама. Работа простая и привычная: убрать из зала опустевшие контейнера и поддоны, вывезти во двор ящики, прикатить фасовщицам потребное количество масла, сыра и варёной колбасы, приволочь из морозильника на оттайку десяток говяжьих полутуш. Ещё нужно зарядить на работу лоточника и сочную женщину (так называют продавщицу, которая неподалёку от касс торгует соками в разлив). Рыбница тоже ждёт на рыбную оттайку брикеты хека и минтая… Короче, с утра прохлаждаться некогда.

Но в этот день всё пошло наперекосяк. Едва бригада появилась из раздевалки, её встретил радостный вопль Нилки:

— Ой, вы поглядите на нашего моряка! Ну-ка расскажи, где ты плавал, в каком стакане. Ведь я думала, он и вправду на флоте служил, пенсию хорошую имеет, а вчера в отделе кадров его трудовую поглядела. Всю жизнь грузчиком по разным магазинам, вот ведь брехун!

Нилка хохотала, как умеют только громогласные хохлушки — звонко, неудержимо. И ничуть её не смущало, что никто веселья не поддерживает, грузчики смотрят мрачно и неприязненно.

Бурно отреагировал только сам Лёша. Лицо его скривилось, казалось, он сейчас заплачет, но вместо этого он закричал что-то бессвязное, о том, что Нилка не имеет права, что он будет жаловаться… Побежал наверх в отдел кадров, где ещё никого не было (кадровики и бухгалтеры начинали работу в девять). Тем не менее, Лёшка где-то разжился листом бумаги и тут же написал заявление об уходе, которое и вручил Нилке.

— Вот ещё!.. — отреагировала нимало не смущённая Нилка. — Сначала две недели отработай, а потом — проваливай!

Нилка — молодая баба яркой внешности, бездетная офицерская жена. Муж её из прапоров к сорока годам дослужился до лейтенантов. Полное Нилкино имя — Нинель. В качестве цербера, стоящего у задних дверей универсама, она была идеальна. Вот и всё, что я о ней знаю, а больше там и знать нечего. Человеческие чувства для эстакадницы — излишняя роскошь.

Перекуры в этот день проходили в угрюмом молчании. Лёшка сидел в сторонке, сопел, настороженно ждал насмешек. Грузчики молчали.

Подвальщик Боря, выбравшийся посидеть в компании, попробовал было отпустить в Лёшкин адрес пошлую шутку, но грузчики не отреагировали, лишь Толик Рецидивист спросил как бы между прочим:

— У тебя челюсть нормально зажила?

Боря всё понял и быстро скрылся в своей норе.

Когда работаешь через день, две недели пролетают как одна. К этому сроку Лёша забыл о написанном заявлении, а Нилка, понимая, что у неё и впрямь могут быть неприятности, хода бумаге не дала. И, наконец, настал момент, когда неспешный разговор ни о чём был прерван Лёшиной скороговоркой:

— Это что, у меня и не такое было. Мы тогда на Кубу пришли с дружественным визитом…

Мужики кивнули: Бывает…

СТРАСТИ ПО ПИВУ

Год одна тысяча девятьсот восемьдесят пятый. Горбачёвская антиалкогольная кампания набирает обороты, и вся жизнь универсама подчинена этой кампании. Винный отдел теперь затариваем в десятом часу, но уже с утра под его дверями маются жаждущие. Торчутся во все эстакады, хватают грузчиков за полу куртки:

— Браток, бутылку вынеси…

Какое вынеси… свои мучаются тем же похмельем и той же невозможностью похмелиться. Солёные помидоры не приносят ни малейшего облегчения; все ждут, когда придёт пивная машина.

Универсам обслуживает район с населением около десяти тысяч человек, и эти десять тысяч выпивают в день пять тысяч бутылок пива. Кто-то, определяя величину поставок, мудро рассчитал, что по одной бутылке на мужской нос — вполне достаточно, а женщин и вовсе в расчёт принимать не надо. Часов этак в десять-одиннадцать приходит с пивзавода фургон, который привозит эти злосчастные двести пятьдесят ящиков «Жигулёвского». С девяти в торговом зале волнуется толпа мужиков. Каждого, появившегося в зале грузчика встречают вопросом: «Не пришла ещё? Ну, когда же привезут?»

Фургон задом въезжает во двор, шофёр распахивает двери, подъезжает вплотную к эстакаде. Вожделенное пиво там, за железным занавесом.

Нилка на страже, шофёр тоже собран и внимателен. Появляется Сергей Саныч — зав гастрономическим отделом. Только теперь железные двери эстакады дозволяется открыть. Вот оно, пиво, такое же недоступное, как и прежде. В машине шофёр и Сергей Саныч, проверяют каждый ящик. Грузчики поддевают на рога стопки по пять ящиков и вывозят из машины. На эстакаде Нилка словно Рекс на границе окидывает выходящих цепким собачьим взглядом. Дальше узкий коридорчик, где с трудом разъезжаются два человека с рогами. Выход из коридорчика один — в торговый зал.

Первым выезжать в зал с пивом попросту страшно. Народ бросается, выдёргивает бутылки на ходу, бывало, что грузчиков сбивали с ног.

— Дорогу! — рявкаю я во всю глотку.

Куда там, к отделу не проехать. Ставлю стопку возле овощного, и её во мгновение ока разносят, расхватывая бутылки и расшвыривая ящики.

Страшная вещь — жажда.

Ещё несколько стопок постигает та же участь, потом становится полегче. Уже можно доехать в гастрономический отдел, поставить ящики на отведённое для них место. В течение получаса магазин будет торговать пивом, затем вновь наступит великая сушь.

В машину закидываются двести пятьдесят пустых ящиков, не тех, что пришли сегодня, их не достать из бушующего зала. Потребный запас ящиков всегда есть во дворе. Пивник уезжает, ежесменная эпопея закончена.

А как же грузчики? У них головы тоже квадратные, и все, кроме меня, мучаются похмельем. Но, в отличие от покупателей, денег у них нет ни копейки (всё пропито ещё вчера), да и были бы деньги, по новым антиалкогольным правилам пиво на рабочем месте запрещено даже тем, кто с этим пивом работает.

С подобной несправедливостью работяги пытаются бороться. В зале тоже хватают бутылки, прячут под фартуком. Специально поставленная на страже фасовщица бутылки отнимает, и это хорошо, потому что если пиво отнимет Нилка, будет составлен акт, и если виновного всего лишь депремируют, можно считать, что он легко отделался. Бывает, что и по статье люди вылетали.

Тягостно было смотреть на всё это, и однажды я сказал Сане Хромому Глазу:

— Что вы позоритесь с этим пивом? Уж по паре бутылок на нос с машины всегда можно снять.

— Как?.. — уныло спросил Саня.

— Вот давай, на следующую смену вы возите пиво, а я показываю, как.

Обычно первую стопку в зал вывозил я. У меня и голос трубный, и сам я человек не маленький, меня так просто с ног не сковырнёшь. Но в этот раз первую стопку повёз Саня, а я, с рогами в руках стоял в коридорчике, как будто уже возвращаюсь из зала. Когда Саня поравнялся со мной, я быстро выхватил из верхнего ящика пару бутылок и… А куда деваться с этими бутылками? В зал или в объятия к Нилке? Коридорчик, что слепая кишка — в раздевалку на втором этаже идти через эстакаду, в овощной или гастрономический — тоже через эстакаду. Больше выхода вроде бы и нет никуда. Но выхода я и не искал, достаточно было тупичка.

Говоря словами Валентина Катаева, имелась в безвыходном коридорчике «маленькая железная дверь в стене». На двери красовались буквы ПК, а за дверцей находился пожарный гидрант и, свёрнутый в рулон бельтинговый шланг. Туда же я определил и бутылки с пивом.

Всего в пожарную нишу отправилось восемь бутылок, по две

на нос. Себя я, разумеется, не считал.

— Машина уйдёт, охрану снимут, тогда и заберёте своё пиво, сказал я Сане. — Понял теперь?

— Понял… — единственный зрячий Санин глаз прояснел.

Через день, когда вновь наступила наша смена, и в магазин приехал пивник, Саня приступил к работе. Выезжая с первой стопкой, я увидал его возле дверцы. Притормозил, чтобы Сане было удобней забирать бутылки, потом поехал дальше. Вторая ездка, пятая, десятая — Саня на страже. А ведь другие грузчики тоже возят пиво.

В тот день с пивной машины было снято не восемь бутылок пива, а восемьдесят.

Через час грузчики ходили враскорячку и громко булькали при каждом шаге. К обеду все четверо лежали, благоухая «Жигулёвским». Работать пришлось мне одному. А тут ещё, как назло, пришла огромная фура с болгарским вином. Какая там ни будь антиалкогольная кампания, а международные договоры были заключены давно, и вино из сопредельных стран поступало.

В помощь мне были брошены холодильщик и дежурный электрик, но всё равно, тот день я не забуду никогда. На бакалейной эстакаде ждёт машина с рисом, на центральную эстакаду пришло четыре тонны говядины в полутушах, а болгарская дура, которая не смогла въехать во двор, пришвартована к универсаму сбоку, так что коробки с вином приходится возить через отдел обслуживания ветеранов. И отовсюду несутся призывные вопли: «Грузчики!»

А грузчики спят.

На следующую смену история повторилась. Правда, аврала такого не было, но зато было выпито уже сто бутылок пива. Куда столько влезало, мне, непьющему, не понять.

Разумеется, администрация универсама не могла спокойно наблюдать за происходящим. Пропажу двух, даже трёх десятков бутылок легко объяснить воровством покупателей. Ведь у тех, кто толпился внутри магазина, тоже очень часто денег не было, и пиво тырили самым бессовестным образом. Но сотня бутылок, это уже перебор. Приёмный пункт стеклотары формально был независим от директора универсама, но, разумеется, у Фёдорова там было всё схвачено, и ему стало известно, что его рабочие сдали в этот день сотню пивных бутылок. Но главное — бригада не работает! Значит, в обороне универсама возникла брешь, в которую утекает пиво.

Фёдоров организовал слежку, и на следующий день похитители были взяты с поличным в ту минуту, когда они

выгребали из пожарного ящика сто двадцать бутылок пива.

На бригаду обрушились репрессии. Два человека, в том числе — незабвенный Витёк, были уволены по статье, двоих депремировали на сто процентов по результатам работы за квартал. Один я остался чист, аки агнец. Но и я сделал из случившегося выводы, и, когда через пару недель обнаружил в охране ещё одну брешь, через которую можно было вынести вообще, что угодно, об этом я никому не сказал ни единого слова.

В заключение истории следует упомянуть, как администрация решила вопрос с неудобной пожарной ёмкостью. Позвали сварщика, и он попросту заварил железную дверцу, навсегда лишив грузчиков возможности воровать с её помощью. Интересно другое: что сказала пожарная инспекция, когда обнаружила это новшество?

ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ

Типовой универсам имеет три эстакады: гастрономическую, бакалейную и хлебную. На первой постоянно дежурит эстакадница, вторую открывают только по приходу машины, и тогда там дежурит зав бакалейным отделом или её заместитель. А хлебная… о ней разговор особый.

Грузчики принимать хлеб не любят. Работать там приходится в одиночку, а если хлебная машина приходит в ту пору, когда у всех перекур, то это и вовсе обидно. Кроме того, разгружать надо быстро, знай, поворачивайся… Цепляешь длинным крючком лоток, выволакиваешь его наружу, вываливаешь буханки или караваи на транспортёр. Пустые лотки ставишь сбоку, а потом загружаешь обратно в машину. Вот и все дела. Беда в том, гибкость у большинства моих коллег давно потеряна, и бесконечные наклоны утомляют.

А я, впервые попав на хлеб, был очарован этим делом до конца жизни. И сейчас порой чудится, будто, стоя на морозе, я распахиваю двери машины, а в лицо веет теплом и несказанным ароматом свежего хлеба.

Разгрузка хлеба была целиком и полностью на мне. В магазин ежедневной приходило две машины с хлебом (в одной буханки, в другой караваи) и одна с булкой. Людям южных широт, где не знают разницы между булкой и хлебом, не понять, насколько горячий хлеб, тот, что пекут изо ржи, пахнет вкуснее белой булки. Приходил также фургон с мелкой сдобой и «рафик» с тортами и пирожными. В двух последних случаях работать приходилось под присмотром бакалейного начальства. Сдоба и пирожные — вещи дорогие, к тому же «рафик» и маленький фургончик не запечатывали эстакаду. А хлеб и булку я разгружал в великолепном одиночестве. Всё тепло, весь, запах, вся прелесть горячего хлеба были для меня одного.

На каждой машине непременно находились бракованные караваи или батоны. Свежеиспеченный хлеб, равно как и свежеиспеченная булка чрезвычайно нежны и, когда грузится верхний ряд лотков, непременно что-то будет испорчено. Эти испорченные буханки, караваи и батоны отправлялись обратно на завод. Но прежде можно было отломить горбушку и… ах, такого хлеба я прежде не едал и впредь уже не попробую.

Изредка в узкой щели, ведущей на улицу, показывался мутный глаз, и сиплый голос, напрочь лишённый гендерных признаков, просил:

— Мужик, хлебца дай.

Отказать человеку в куске хлеба — грех. Неважно, что хлеб казённый, человек давно потерял человеческий облик, а я убеждённый атеист. От того же бракованного каравая отламывался второй ломоть и совался в щель. Горячего хлебушка хочется всем.

Лишь однажды радость хлеба была испорчена. Неожиданно по магазину забегало начальство, зашептались фасофщицы и прочий мелкий люд, явилась милиция и врач из сантитарной инспекции, а мне было приказано задержать разгрузку очередной машины.

Некая бабулька, купившая с утра полбуханки ржаного, принесла покупку обратно. В хлебе оказался запечён человеческий палец. Синюшный, с почернелым ногтем, он и сейчас стоит у меня перед глазами. Милиция забрала вещдок и отправилась с ним на хлебозавод, а по универсаму поползли слухи о кровавом убийстве с расчленёнкой, случившемся на заводе.

Никакого убийства, разумеется, не было, а было вульгарное нарушение техники безопасности, в результате которого одному из рабочих оторвало палец. По правилам в этом случае полагалось остановить процесс, выкинуть из дежи испорченное тесто и дезинфицировать ёмкость, но кто-то на хлебозаводе решил, что сойдёт и так. Из-за какого-то пальца десять тонн теста выбрасывать? Быдло сожрёт. И быдло сожрало, хотя в одном отдельно взятом универсаме случился скандал.

А я с тех пор отламывал горбушки только у круглого хлеба. Буханки почему-то мне разонравились.

Здесь, на хлебной эстакаде, вскоре после того, как по магазину отгремела история с кражей пива, я и обнаружил щель, через которую можно было безбоязненно выносить всё, что угодно.

Обычно эстакада была заперта двойными дверями. Первая дверь деревянная, для тепла, она просто бывала прикрыта. Вторая дверь представляла собой железную штору, которая запиралась на замок против потенциальных расхитителей. Когда приходила хлебная машина, фургон намертво запечатывал эстакаду, и лишь после этого отворялась железная дверь. И закрывалась эстакада точно также. Сама эстакада представляла собой нишу, сделанную ровно по размерам фургона, и метра полтора в глубину. Когда не было машин, ниша была пуста, лишь в углу стояла стопка деревянных лотков, которые хранились на случай непредвиденных ситуаций. Такие лотки никому не нужны, и они валялись там безо всякой охраны. Тут-то и пришла мне в голову мысль, что грузчик, явившийся на крик: «Хлеб пришёл!», тоже

заходит на эстакаду безо всякой охраны. А значит, он может принести с собой курицу, кусок мяса или колбасы, банку «Славянской трапезы» — всего, что в магазине хранится не под замком, и запихнуть похищенное в нижний лоток. А когда машина уйдёт, лоток вместе с краденым добром окажется на улице.

Ради интереса я спрятал на эстакаде рабочие рукавицы, а через час забрал их, подойдя с улицы. Выяснилось, что схема вполне себе работает.

Разумеется, я не сказал об этом никому из своих коллег. Мне хватило и первой истории. Если бы мужики узнали, как тут можно поживиться, они все возлюбили бы разгрузку хлеба, так что я больше никогда бы не попал в хлебное благоухание. Кроме того, рано или поздно, они попались бы со своей тащиловкой, и я не знаю, какие меры были бы приняты на этот раз. Конечно, никто не стал бы наглухо заваривать хлебную эстакаду, но обыскивать хлебного грузчика стали бы почти наверняка.

Спрашивается, а мне-то какая польза в выискивании всевозможных способов хищения государственной собственности? Ведь я ничего не воровал и даже пива не пил. Но всё равно, мне невыносима мысль, что я сижу под замком, что кем-то поставлены люди, специально надзирающие за мной. Вы считаете, что я не могу поступить против ваших установлений? Так, фига вам, я могу! Я не вор и воровать не собираюсь, но как сказано в известном анекдоте: «аппарат имею».

«С меня довольно сего сознанья».

СУХОЙ ЛЁД

В середине дня приезжает мороженщик. Подойти к эстакаде его «Рафик» не может, эстакада слишком высока, поэтому мороженое выгружается прямо во дворе. Десяток коробок зимой и штук тридцать летом. Мороженое везётся прямо в зал, укладывается в витрину-холодильник. Молочная женщина тут же вспарывает коробки и далеко уже не уходит, поглядывает, чтобы мальчишки, которые как раз идут из школы, не тибрили сливочные брикеты.

Ассортимент мороженого невелик. Вафельные стаканчики — шоколадные и сливочные по гривеннику за штуку; стаканчики бумажные с молочным мороженым за девять и фруктовым за семь копеек, сливочный пломбир в брикетах по 200 и 500 грамм (двадцать и сорок восемь копеек соответственно). Эскимо, сахарные трубочки, обсыпные батончики по 28 копеек, Ленинградское мороженное в шоколадной глазури — всё это в универсамы не попадает, а продаётся главным образом на Невском проспекте исключительно с выносных тележек. Тут всё понятно: мороженое товар нестойкий, процент потерь очень велик, поэтому дорогими сортами торговать оказывается невыгодно. Если не считать полукилограммовых брикетов, максимальная цена магазинного мороженого — двадцать копеек.

Как-то, в разгар антиалкогольной кампании, мороженщик привёз вещь вовсе небывалую: томатное мороженое. Не помню, сколько оно стоило, но могу сказать, что большей гадости пробовать мне не доводилось.

Грузчики получают с мороженой машины свой бонус. На тележку поверх коробок кладётся блок сухого льда, а на эстакаде он выгружается. Сухой лёд в «Рафике» есть непременно, иначе мороженое не довезти.

Блок лежит на ящике, от него поднимается холодный пар. В свободную минуту притаскивается пара трёхлитровых банок, в них наливается вода, блок раскалывается, и куски сухого льда отправляются в банку. Вода бурлит, кипит, вокруг кусков сухого льда намерзает лёд обычный. Через пару минут банка полна газированной воды.

Надо ли рассказывать, кто научил мужиков готовить этот напиток? Зря я что ли университет кончал? — химик, как ни крути.

Стаканом, который я первое время выставлял к банкам с газировкой, мои товарищи пренебрегают, пьют прямо из банки, рискуя проглотить осколочек сухого льда. Случись такое — мало

не покажется, ожог желудка обеспечен. Но стакан всё равно кажется грузчикам излишней роскошью. Не водка, и так хорошо пьётся.

Вторая опасность при питье газировки из трёхлитровой банки куда более серьёзная. Углекислый газ, который обильно выделяется при испарении сухого льда, в больших концентрациях вызывает паралич дыхательного центра, то есть, действует не хуже синильной кислоты. Пока банка полна воды, углекислый газ немедленно рассеивается в атмосфере, а вот, когда воды остаётся меньше половины, весь остальной объём банки заполняется углекислым газом, и концентрация у него как раз та, что нужно. Пить в таких случаях приходится аккуратно, задерживая дыхание, чтобы не надышаться углекислотой.

Казалось бы, возьми стакан и пей на здоровье, ничем не рискуя. Но пьют всё равно из банки.

Как-то овощной шофёр, притаранивший фургон фасованной картошки, увидал на эстакаде исходящую паром банку.

— Это что у вас?

Шофёру объяснили, что это у нас газировка. Шеф взял банку, поднёс к губам и всей грудью вдохнул воздух.

Дядька был здоровый, к тому же, второй раз хапнуть углекислоты он не мог, поэтому отделался обмороком. Рухнул на эстакаду, разбив банку и облившись ледяной водой.

— Что это было? Что это было?.. — бормотал он, когда его привели в чувство.

— Водку пьёшь — выдыхаешь? — поинтересовался Толик. — А тут за тебя кто выдыхать будет?

Только теперь я понял, почему никто из работяг до сих пор не надышался углекислотой. Вошедшая в кровь привычка задерживать дыхание, перед тем, как глотнуть что-либо жидкое, спасала их и сейчас.

Витрины-холодильники, стоявшие в универсамах четверть века назад, слабо напоминали нынешние. Они с трудом поддерживали минусовую температуру, а если на улице было жарко, то и вовсе не справлялись с работой. Случалось, что через несколько часов мороженое начинало течь. За полчаса до закрытия магазина такие коробки выставлялись на эстакаду.

Я — великий любитель мороженого, но тут… Съедаешь одну порции., вторую, третью… и понимаешь, что слишком хорошо — тоже нехорошо. И со вздохом несёшь липкие размокшие коробки в мусорный бак.

МОЛОЧНЫЕ СТРАСТИ

В советское время немало можно было услышать диковинных и попросту фантастических рассказов о том, что хранится в недрах универсамов за плотно запертыми дверями. Полуголодное население помещало туда «колбасы всех сортов и даже, такую колбасу, которой нет в продаже». Эх, разговорчики!.. За два года я успел побывать во всех, самых опечатанных холодильниках и кладовых. Не было там ни колбасы твёрдого копчения, не было пастилы (а в Москве, сам видел, пастила имелась в свободной продаже!), не водились там шоколадные Деды Морозы, которые привозились в подарок детям тоже исключительно из Москвы.

Конечно, какое-то количество дефицита имелось в магазине постоянно. В отделе обслуживания ветеранов всегда была красная икра в пятидесятиграммовых баночках (чёрной я не видывал), колбаса полукопчёная, колбасный фарш под названием «Завтрак туриста», чай «Три слона», растворимый кофе отечественного производства, сгущенное молоко с сахаром и без оного. Вот, вроде бы и весь список недефицитных дефицитов.

Простые работники универсама к этим сокровищам допущены не были и сгущенное молоко получали только в составе праздничных наборов перед Первым Мая и Седьмым Ноября. Привелегии их были невелики. Они могли, высыпав в глубокую тележку пять-шесть пакетов картошки, выбрать оттуда самую лучшую, а остальную расфасовать заново и отправить в зал простым покупателям. Всегда можно было подойти к мяснику и попросить отрубить нужный кусок мяса с минимумом костей или вовсе без оных. А ещё, можно было купить творог.

Машина с кисломолочными продуктами приходила с утра, часиков в девять-десять. Это была одна из первых машин, и с самого открытия магазина её ожидали терпеливые бабушки. Наиболее шустрые приходили чуть не за час до открытия универсама, приносили с собой складные стульчики. Случалось, машина задерживалась, тогда очередь начинала создавать трудности для работы. Две разнокалиберных очереди: жаждущих пива и желающих творога и кефира кипели в магазине, не смешиваясь, и не давая прохода обычным покупателям. Если вдруг пиво приходило раньше молочного фургона, бабушки разживались пивными ящиками и рассаживались на них. И те же самые вопросы к грузчикам:

— Не пришла ещё?

Молочный фургон въезжает во двор, и каким-то образом это немедленно становится известно в зале. Плотная группа тех, кто

явился ещё до открытия, выстраивается возле мясного отдела. Именно здесь будут давать творог.

Творог в пачках по двести пятьдесят грамм уложен в пластиковые контейнеры, в каждом по сорок восемь пачек. Обычно привозят по четыре контейнера. Сорок восемь килограмм творога на район с населением десять тысяч человек. Чуть меньше, чем пять граммов творога на нос. Неудивительно, что старухи ждут его, явившись ни свет, ни заря, и не желают выходить из магазина, несмотря на все увещевания.

Два ящика, половина всего привоза, немедленно отставляются в сторону — это для своих. Остальное выделенная фасовщица выдаёт покупательницам: по две пачки в руки. Когда-то творог вывозили в зал и ставили рядом с молочным холодильником. По мере того, как он превращался в дефицит, сначала его раздавала молочная женщина, чтобы старухи, рвущие пачки друг у друга из рук, не перепортили весь товар, а потом, когда в зале начали случаться драки из-за творога, его уже не вывозили в зал, а выдавали через окошечко мясного отдела.

Всё потому, что мне за сорок,
И много пройдено дорог,
Что нужен мне творОг и твОрог,
А также твОрог и творог…

Творог — диетический продукт, нужен он не только пожилым людям, но и детям, и больным. А привозили его по пять граммов на человека, а, если вычесть то, что разбирали работники универсама, то и по три грамма не выходило. Неудивительно, что старухи, многие из которых помнили блокаду, загодя занимали очередь, а потом готовы были биться смертным боем за пару мокрых пачек. Не приведи господь мне ещё когда-нибудь увидать драку немощных старух из-за пачки творога.

Изредка случалось, что привозилось не четыре, а восемь или даже десять ящиков с творогом. Тогда творог доставался и тем, кто не дежурил с самого открытия. Совсем уже редко на машине оказывалась пара пластиковых контейнеров с маленькими пачечками сладкого детского творога. Его выдавали, тоже по две пачки, в качестве дополнения, тем, кто пришёл первыми. Такая же судьба постигала и глазированные сырки по одиннадцать копеек, которые появлялись не чаще, чем раз в месяц. Удивительным образом, и детский творог, и глазированные сырки либо не привозились вообще, либо в количестве двух ящиков, чтобы один можно было отставить под прилавок, но и покупателям хоть что-то, но досталось бы.

Пока вокруг мясного отдела кипели творожные страсти, грузчики вывозили в зал продукты не столь дефицитные. Молоко в пол-литровых бутылках приезжало на отдельной машине и было всегда в достатке, а с творожного фургона выгружались сливки и кисломолочные продукты. Сметана в двухсотграммовых баночках под жёлтыми станиолевыми крышками; банки эти стояли в сетчатых ящиках из гнутого стального прутка. Руки это убоище портило ужасно, и я сохранил о сметане самые дурные воспоминания. Весь остальной товар шёл в пол-литровых стеклянных бутылках, расфасованных по пластиковым ящикам. Сейчас такую бутылку не вдруг и найдёшь, а тогда они были самой распространённой тарой, и за магазином у нас был специальный пункт приёма молочных бутылок.

Содержимое бутылок различалось по цвету станиолевых крышечек. У молока они были белыми, у кефира — зелёными. Обезжиренный кефир отличался бело-зелёными полосками, молоко пятипроцентной жирности — белая крышка с одной красной полосой. Ацидофилин закрывался синей крышкой, простокваша — жёлтой, как у сметаны, ряженка — желто-белой полоской. У сливок крышка была ярко-красной. Сливки были девятипроцентной жирности. По идее, начиная с девятипроцентной жирности, сливки должны сбиваться, но они не сбивались никогда, и хозяйки, желавшие печь торты со взбитыми сливками, прибегали ко всяческим хитростям, добавляя яичный белок или желатин, чтобы довести разбавленные сливки до требований ГОСТа.

Однажды, дело было в 1986 году, нам привезли совершенно небывалый товар. В молочной машине вместо привычных ящиков стояли контейнеры на колёсах, наподобие картофельных, но новенькие и чистые. А в этих контейнерах были установлены прямоугольные пакеты с молоком. По универсаму поползло удивительное слово «тюрпак». И покупатели, и работники торговли принялись хватать это восхитительное новшество. Ах, какое молоко было в тюрпаках! Натуральное, вкусное, неразбавленное! На Пискарёвском молокозаводе заработала новая линия по фасовке молока.

Тюрпаки возили целую неделю, затем линия сломалась. Через месяц новый продукт появился вновь, но тоже на одну неделю. Затем история повторилась в третий раз.

— Что они никак линию наладить не могут? — спросил я у шофёра и услышал прелестную историю.

Линию фасовки молока в тюрпаки смонтировали и запустили финны. Сделали, всё как полагается, с гарантией, и отбыли по домам. Вслед за тем наши умельцы, тоже как полагается, начали

молоко разбавлять. Тут и оказалось, что финская линия сделана самым дурацким образом. Она заботилась о качестве молока больше, чем производители. Дозаторы были подключены к детектору, определявшему жирность, и стоило молоко разбавить, например, вдвое, как в литровый пак дозаторы принимались наливать по два литра молока. По цеху потекли молочные реки, линию пришлось останавливать. Возмущённые умельцы с корнем вырвали мерзкие детекторы, мешающие прибыльной работе, но после этого линия остановилась уже сама, и запустить её вновь не удалось. Пришлось, благо что Финляндия недалеко, а гарантийный срок только начался, вызывать наладчиков. Те приехали, немедленно обнаружили следы взлома, так что ни о каких гарантиях речи уже не шло, поставили новые приборы, наладили работу и уехали в родную Финляндию. А русские умельцы вновь принялись разбавлять молоко с тем же печальным результатом.

Когда я в конце 1986 года увольнялся из универсама, битва за священное право разбавлять молоко всё ещё продолжалась. И, судя по тому, что сегодня в любом магазине продаётся молочная продукция в тюрпаках, а внутри этой замечательной упаковки порой бывает налито такое, что не только пить, но даже издали глядеть страшно, можно сделать вывод, что русский гений посрамил-таки европейскую инженерную мысль.

ЛОТОЧНИК

Лоточники считаются магазинной элитой. За спиной о них болтают всякое, что будто бы они за каждый день работы отслюнивают директору определённую сумму, или, наоборот, директор отслюнивает им по четвертному в день… Не знаю, ни разу при отслюнивании не присутствовал и из первых рук информации не имею. Но лоточница Маша прямо со своей слюнявой должности перешла в овощницы (фасовщицы овощного отдела) и, вроде бы, на жизнь не жаловалась.

Вообще, в магазине было две ставки лоточника. Лоточники, как и грузчики, работали через день, хотя, случалось, их вызывали из дома, если нужно было что-то срочно распродать. Разумеется, в этом случае, что-то отслюнивалось за сверхурочную работу. На одной из ставок работали часто меняющиеся и слабо запомнившиеся личности. Вторым, а вернее, первым, был лоточник Володя. Он приходил на работу часиков в десять, выяснял, чем ему сегодня придётся торговать. Иногда это были яблоки, но чаще всего — яйца по девяносто копеек. Дневная норма была двадцать коробок. Вместе с первой тележкой Володя выходил на ступени универсама и принимался сооружать из яичных коробок прилавок. Немедленно выстраивалась очередь.

В самом магазине всегда были в продаже так называемые «диетические» яйца, отличавшиеся ценой (рубль тридцать за десяток) и тем, что на каждом яйце стоял чернильный оттиск с датой. Ни разу не видел, чтобы кто-нибудь эту дату разглядывал. Просто наличие чернильного пятна на скорлупе считалось гарантией высокого качества. Народ победней, а в ту пору почти весь народ был победней, предпочитал брать яйца непроштемпелёванные. Они тоже были в продаже регулярно, хотя приходилось отстаивать очередь.

Вскоре после обеда Володя появлялся в магазине, сдавал завотделом клетку с боем, а кто-нибудь из грузчиков забирал с улицы пустые коробки, уже сложенные, и одну коробку под завязку набитую клетками. Всё это привозилось в магазин и сбрасывалось в люк подвальщику Боре.

В предпраздничные дни торговля яйцами продолжалась весь день, так что приходилось ещё пару раз довозить Володе по десять яичных коробок. И Володя, к радости покупателей, успевал распродать и их.

В августе и сентябре работа была особой. В это время в городе торговали арбузами. Из Астрахани шли пыльные фуры, а в порту разгружались баржи с полосатым счастьем. Прямо на земле

у стены магазина ящиками огораживалась площадка, и на неё начинали выгружать арбузы. Два человека забирались в кузов и кидали арбузы стоящим внизу. Работа тяжёлая, но спорая. А попробуй, помедли, когда рядом волнуется очередь, провожающая взглядом каждый летящий арбуз.

Володька разгружал арбузы наравне с грузчиками, причём, стоял внизу. Ловить арбуз сложнее, чем кидать. На каждой машине пять-шесть арбузов бывало расколото из-за того, что грузчик не сумел поймать летящий шар. Володька по этому поводу не возбухал, на его долю всё равно оставалось много.

Битые арбузы уносились на эстакаду и шли в пользу грузчиков.

Несколько лет спустя, давно уже расставшись с карьерой грузчика, я проходил мимо родного универсама и увидел волнующуюся очередь, отгороженную площадку и летящие арбузы. Работало всего три человека, а это очень неудобно и медленно. Я отставил в сторону портфель (а работал я в ту пору в мэрии Петербурга, в комитете по образованию), шагнул в круг и крикнул: «Давай!». Машину мы раскидали за десять минут. Лучший арбуз я отложил в сторонку, для себя, и купил его без очереди. Какая-то дама пыталась качать права, говоря, что она стоит первой, но Володька глянул мимо и спросил, ни к кому особенно не обращаясь: «А машину вы разгружали?»

Меня Володя не узнал, а я-то его запомнил хорошо.

Но в полной мере Володя разворачивался, когда начиналась лоточная торговля курами. В Ленинграде куры шли трёх сортов: импортные по три рубля сорок копеек, отечественные по два семьдесят пять и бройлеры по рубль семьдесят пять. Последние были прозваны в народе «синей птицей», и о них ходил замечательный анекдот:

Венгерская курица говорит нашей: «Ты взгляни на себя — тощая, синяя, ноги торчат… То ли дело я — упитанная, жёлтенькая, сердце и печоночка в отдельном мешочке сложены… посмотреть приятно». «Подумаешь, — отвечает наша, — зато я своей смертью померла».

Теперь тех синих птиц в продаже не найдёшь, а четверть века назад их расхватывали, что горячие пирожки. Оно и понятно, цена на рубль меньше, чем у куры стандартной. Бройлеры шли исключительно на лоток, чтобы в магазине не было давки, и не случалось пересортицы с той курой, что на рубль дороже. А уж как на этой торговле поднимался лоточник — это особь статья.

Володька выходил на ступени, слюнявил палец, оглядывал окрестности и лишь потом указывал, как ставить стол и весы на него. Получив указание, что стол должен быть не вдоль и не

поперёк ступеней, а наискось, я спросил, для чего нужны такие хитрости.

— Ветер сильный, а у куры парусность большая. Ветер дуть должен так, чтобы чашку с товаром прижимать. Мне сегодня и обсчитывать никого не надо, я на одном ветре четвертной заработаю.

Так мыслить может только истинный профессионал!

За два года лишь однажды дешёвые куры продавались в зале. Привезли их в субботу, когда начинать торговлю было уже поздно, поэтому деревянные лотки были сложены в один из холодильников и заперты там. А в понедельник работников встретила жуткая вонь. То ли холодильник изначально был не включён, то ли его кто-то выключил, но два дня куры пролежали на летней жаре и, конечно же, стухли.

Володька глянул на испорченный товар, сказал, что этим торговать не будет, и ушёл домой. Тем не менее, списывать тухлятину никто не собирался. Полторы тонны бройлеров — это ж такие деньжищи! Тухлая птица была привезена в рыбный отдел; ванну, где обычно оттаивала рыба, вымыли, сначала с порошком, потом с уксусом, чтобы отбить рыбный запах. В чистую ванну налили воды, вбухали туда пару флаконов марганцовки, и фасовщицы, зажимая носы, принялись мыть в фиолетовом растворе злосчастных кур. Затем их скатывали новой порцией воды, взвешивали и выбрасывали на мясной прилавок.

И надо было видеть, как покупатели, обрадованные, что очереди нет, расхватывали дешёвую отраву! За час все куры были перемыты и проданы.

А уж как их готовили и съедали, и что было потом, возможно, знает санитарно-эпидемическая служба. Мне эта тайна неведома.

КРУГОВОРОТ МАСЛА В ПРИРОДЕ

Грузчик я ещё неопытный и потому стараюсь побольше смотреть и поменьше разговаривать. Вот, скажем, пришла машина со сливочным маслом. Брикеты по двадцать килограммов каждый. Ставлю брикеты на тележку по три пятерика и ещё два брикета сверху — всего семнадцать штук. Странное, неровное число, но придумал это не я, и мне остаётся копировать товарищей. В холодильнике масло складывается семериками. Штабель брикетов вздымается под потолок.

Привожу очередную тележку, собираюсь разгружать, но Витёк, забравшийся на верхотуру, говорит:

— Сюда давай!

Подаю брикеты ему и вижу, что задний брикет поставлен косо, так что в штабеле образуется каверна. Вместо семи в этом ряду уложено шесть блоков. Но снаружи ничего не видно, а через минуту, когда последний из привезённых мною брикетов уплывает под потолок, уже ни с какой точки недостачи не увидать.

Возвращаемся в фургон, начинаем нагружать тележки. Витёк почему-то принимается помогать мне и наваливает на мою тележку не три, а четыре пятерика, да ещё пару брикетов сверху. Везти тяжело, неудобно, но зато перегруженная тележка перекрывает обзор, так что ни эстакаднице Нилке, ни Сергей Санычу — зав гастрономическим отделом, которые следят за нашей работой, ничего не видно.

При выезде из фургона на эстакаду положен железный лист. Преодолевая его, невольно приостанавливаюсь и вижу, как Витёк спешно проталкивает один брикет в щель между фургоном и стеной. Чьи-то услужливые руки принимают брикет. Секундной заминки никто не заметил, работа продолжается.

Через десять минут машина разгружена. Масло перевезено в холодильник глубокой заморозки, где может храниться неограниченно долго. В те дни, когда не приходит фасованное масло, десяток брикетов отправляется на фасовку, где его режут гитарной струной, заворачивают в бумагу, взвешивают, чернильным карандашом пишут цену и отправляют в торговый зал. Всё остальное время холодильник находится под замком.

Перед тем как навесить на дверь замки: амбарный и контрольку с вложенной под скважину подписанной бумажкой, Сергей Саныч пересчитывает блоки. Всё в порядке: штабель семериков на двадцать блоков в высоту и на отдельном поддоне ещё десять брикетов. Итого: сто пятьдесят штук, ровно три тонны

сливочного масла по три рубля шестьдесят копеек за килограмм. И никто кроме грузчиков не знает, что на самом деле не хватает двадцати килограммов масла. Один брикет остался во дворе.

Честно говоря, мне неловко: брикет масла это семьдесят два рубля, половина моего месячного заработка. Конечно, универсам покроет недостачу, но всё же…

Смотрю, кого из грузчиков нет на месте. Один Саня, второй, Витёк… нет новенького, который пришёл на место Пети. Как его зовут? — Андрей или Лёха — не помню. Блёклая личность, а вот, поди ж ты…

— Слышь, Вить, куда вам двадцать кило масла? Это же ужраться можно.

— В Сосновский отнесём. Тамошний директор купит за четвертной.

— А он вас Фёдорову не сдаст? Ведь ясно же, откуда вы пришли.

— Ты чо? Он же понимает, что тогда ему никто больше ничего не принесёт.

Действительно, через полчаса новенький появляется с деньгами. Отсутствия его никто не заметил, одна Нилка вякнула что-то, но кто её станет слушать? Работа не останавливалась, значит, всё в порядке.

Прошло не так много времени, и во дворе объявился парень, одетый по-грузчицки в куртку и передник.

— Шефа позови, Сергей Саныча…

Сергей Саныч явился на зов.

Гость вытащил из мешка двадцатикилограммовый блок масла. Сергей Саныч проверил целостность картонной упаковки, поглядел на штамп с датой. Масло было свежим, очевидно, масляная машина пришла в Сосновский универсам только сегодня, и местные работяги тоже сумели разжиться маслицем.

Получив свои двадцать пять рубликов, соседский грузчик убежал. Понятно, работа ждать не станет, а ушедшего могут хватиться.

Масло Сергей Саныч унёс в отдел.

С тех пор я уже не вздрагивал, видя многочисленные примеры тащиловки. Всё это входило в правила игры, и круговорот масла между универсамами был всего лишь одним из самых ярких примеров повсеместного воровства. Просто к самым значительным махинациям грузчики допущены не были.

А за масло, кто их осудит? Я не осуждаю.

ВОРЮГА

Эта история довольно точно датируется сентябрём 1986 года, когда я дорабатывал в магазине последние денёчки. Двадцать второго сентября моему младшенькому должно было исполниться семь лет, а он ещё ни разу в жизни не пробовал заливного языка. С этого всё и началось, вернее, этим всё закончилось.

За два года универсам дважды переживал приезд машины с субпродуктами. Оба раза это праздничное событие приходилось на нашу смену. Машина была нагружена картонными коробками, полными непредставимого по тем временам дефицита. Разумеется, там не было рубца, селезёнки или, скажем, лёгкого, это всё перемалывалось на фабриках-кухнях и шло в пирожки с мясом, которыми торговали на улице. Зато магазин в течение дня, а то и двух, торговал коровьим выменем и говяжьими почками.

Странный товар: вроде бы и дефицит, а немногие умеют готовить вымя и, тем более, почки, так что, в тех редких случаях, когда они появлялись в продаже, их можно было довольно легко купить. Хозяйки толпились вокруг прилавка, рассматривали диковины и обсуждали, как их следует готовить. Именно там я подслушал, как нужно обращаться с почками, не отваривая их в десяти водах и не обрабатывая уксусом или, что ещё хуже, содой.

Для сотрудников универсама субпродуктовая машина привозила два особых подарка: сердце и печень. В продажу они не поступали, их разбирали свои. О почках фасовщицы не говорили, тут обсуждались рецепты пирожков с молотым сердцем. Сколько класть в начинку яйца, лука, масла; обжаривать или не обжаривать, добавлять рис или не надо — и иные важные вещи.

Сердце брали не все, но помногу, печень выдавалась по спискам, не больше килограмма в руки.

Машины с субпродуктами так просто не разгружались: к их приходу прибегал директор, он лично следил, сколько и чего привезено, давал распоряжения, что и куда возить. Тут уже ни о какой тащиловке речи не шло, охрана стояла на каждом углу.

Опечатанная машина ждала во дворе, а по отделам уже полз сладостный слушок: среди прочих редкостей привезли говяжий язык! Двести килограммов языка, больше, чем по килограмму в руки!

Вот уж язык был дефицит так дефицит, в продаже его не бывало по определению, и попробовать этот деликатес можно было далеко не в каждом ресторане. Машина ещё опечатана, а фасовочные дамы уже делятся секретами: язык заливной, язык

тушёный в сметане, ещё что-то, смутно помнившееся по тем временам, когда Хрущёв громил личные подворья, и на недолгий срок страна была завалена мясом.

Потом явился Фёдоров и грубо растоптал все мечты. Было сказано, что языка не получит никто. Ни единого грамма. Фасовщицы кинулись к Сергею Санычу, в ведении которого формально находилась машина, но зав отделом лишь подтвердил приказ, сказав, что и ему языка отведать не придётся.

До сих пор помню свою обиду. Близился Денискин день рождения, а мой сын ни разу в жизни не пробовал заливного языка.

И тогда я решил: что бы там ни говорил Фёдоров, у меня язык будет.

А теперь прикиньте, как можно совершить хищение? Директор, помнящий историю с исчезновением бананов, самолично влезает в машину, пересчитывает коробки и не сводит с них глаз, пока открытый фургон подъезжает к эстакаде. На эстакаде караулит Нилка, а в коридоре — Сергей Саныч, не забывший пивной истории. Неважно, что ящик с пожарным гидрантом давно заварен и, вообще, находится в другой части магазина, коридор тоже просматривается. Правда, в холодильнике, где царит двадцатиградусный мороз, посторонних нет, но попробовал бы кто-нибудь выйти оттуда с оттопыренным передником: расправа была бы короткой: немедленное увольнение по статье.

Кроме того, посудите сами: почти два года честно отработавши в магазине, очень не хочется в последнюю неделю замарать себя откровенным воровством.

И всё же, из любой ситуации выход может быть найден.

Я положил в карман куртки пакет из коричневой крафт-бумаги. В такие пакеты овощница Маша расфасовывала рассыпанную картошку. Очутившись в холодильнике, я быстро засунул в пакет три языка, залез на стопку пустых деревянных поддонов, которые всегда стояли в холодильной камере, и запихал пакет за решётку радиатора. Затем с чувством выполненного долга отправился за новым грузом.

Все остальные субпродукты были свезены в соседний холодильник, а этот немедленно заперт. Навесной амбарный замок, рядом контрольный с подписью директора, а для верности — свинцовая печать. Печать, кстати, чрезвычайно легко снималась с лески, на которой была повешена, но вряд ли кто-нибудь из рядовых работников разбирался в подобных тонкостях.

Обычно я старался в выходной не появляться в магазине, но на следующий день зашёл, чтобы получить свою долю печёнки и

сердца. И замер, не в силах оторваться от поучительного зрелища. Во двор универсама одна за другой въезжали машины. Не привычные фургоны и рафики, а сплошь волги, по большей части чёрные. Директор петушком сбегал с эстакады, вручал высоким гостям пакеты. Я не видел, чтобы кто-нибудь из подъехавших к задним дверям, расплачивался или хотя бы пытался расплатиться. Пакеты забирались, волги разворачивались и уезжали.

Долго любоваться мне не позволили. Мармеладовна (она была в утро у наших сменщиков), подошла и ворчливо сказала:

— Нечего тут глядеть.

Долго глядеть действительно было нечего. Я ушёл, а на следующий день ничто в магазине не напоминало о недавнем ажиотаже. Холодильная камера была пуста и открыта для всех желающих. Я зашёл в морозное нутро, поднялся на стопку поддонов и нащупал за радиатором пакет. Теперь оставалось вынести его из магазина. Я взвесил языки и пробил чек. Говяжий язык в ту пору официально стоил столько же, как и обычная говядина: два рубля килограмм. Иное дело, что, наверное, никто в стране не продавал его за эту цену. С пакетом в руках я прошёл через кассу, честно заплатив государству все причитающиеся ему деньги. Признаюсь: сердце в эту минуту ёкало. Я ничего не украл, заплатив полную стоимость покупки, поэтому вызывать милицию никто бы не стал, но если бы вдруг меня на этом деле поймали, то трудовая книжка украсилась бы очень неприятной записью. И, разумеется, никакой управы на магазинное начальство я бы не нашёл.

Однако всё закончилось благополучно, и, спустя неделю, я, уже не грузчик, а советский безработный (на новое место я устроился лишь через два дня) праздновал день рождения сына. И украшением стола был дефицит дефицитов — заливной язык.

ГРЕЧКА!

Крупы в универсам привозили либо в заводской фасовке, либо в мешках по сорок килограмм. Килограммовые пакеты с крупой были собраны по восемь штук и обёрнуты упаковочной бумагой, а иногда ещё перевязаны верёвочкой. Разгружать их было не тяжело, но долго и муторно. Грузить мешки оказывалось не в пример тяжелее, но и быстрей. Навалил на тележку пять-шесть мешков, привёз в отдел, скинул на поддон.

Ассортимент круп был невелик и разнообразия не признавал. Манка, пшено, пшеничка, горох двух видов, ячка, перловка… рис дроблёный и круглозёрный — всё это бывало в продаже всегда. Как раз в ту пору появился длиннозёрный рис. По мне, так он хуже обычного, но покупатели бросались на новинку и расхватывали его очень быстро. Однажды привезли два мешка искусственного саго, которое потом целый месяц не могли распродать. Я купил на пробу пакетик… — гадость страшенная, а стоит дороже прочих круп. Чечевица жила лишь в воспоминаниях людей старшего поколения, а о таких вещах, как нут или кус-кус, никто в ту пору и не слыхивал.

Бакалейные товары, в отличие от гастрономических, дёшевы и недефицитны. Ажиотажный спрос возникает редко, разве что сахар и дешёвая карамель в пору борьбы с алкоголизмом бывали с перебоями. Лишь однажды, когда по городу пронёсся слух, будто соль подорожает в несколько раз, в один день с прилавка смели четыре тонны соли. На следующий день (по счастью, это было не в мою смену), соли привезли целый фургон, народ успокоился и вновь стал покупать в среднем по сто килограммов соли в день.

Но был продукт, чрезвычайно популярный в народе и, почему-то бывший страшным дефицитом — гречка.

Судя по названию, гречневая крупа приехала на Русь из Греции веке примерно в девятом, возможно, во время походов вещего Олега. Позднее товары из Греции называли грецкими, а ещё позднее — греческими. Популярность греча зарабатывала с трудом. Ещё в XVII веке в русских травниках можно было прочесть: «Гречневые крупы, сваренные в мясной ухе, яство доброе, а в прежние годы их в брашно не брали, а токмо скотину кармливали.

Но к двадцатому веку народ гречневую кашу возлюбил, а где её взять, если западные страны гречу практически не выращивают, считая экзотикой, так что продаётся она в магазинах колониальных товаров. А колхозное сельское хозяйство

накормить людей гречей было неспособно.

Греча оказывалась дефицитом, но очень относительным. Дело в том, что гречу: продел или ядрицу, — выдавали в поликлиниках больным диабетом, а те уже делились с родными и близкими. Сам я в ту пору ещё не знал такой напасти, как диабет, но поскольку диабетиков в семье всегда было много, то и гречка у нас на столе не переводилась. Вот людям здоровым гречневой кашки хотелось, а взять было негде.

Однако вернёмся к нашим универсамам.

Я разгружал хлеб. В тот день все три машины пришли почти одновременно, так что с хлебной эстакады я не вылезал довольно долго. А когда вышел, то оказался в самой гуще событий. Бакалейный отдел был осаждён ордами покупателей. Толпа разгневанных домохозяек перекрыла выходы, женщины кричали, размахивали руками, казалось, ещё минута и вспыхнет бунт.

В магазин привезли гречу-ядрицу. Десять мешков. Четыреста килограммов. И эта информация каким-то образом проникла в торговый зал. Известно было всё, и где лежат мешки, и сколько их, и, что привезли именно ядрицу, а не продел, который ценился куда ниже. Покупательницы немедленно организовали очередь, приняв решение, что в руки будут давать по килограмму гречи. Ладони украсились чернильными номерами, от первого до четырехсотого. Фасовщицы, уборщицы, повариха глядели в зал с ненавистью, но не смели и пикнуть. Против такой толпы не повоюешь, своим сегодня не достанется ничего.

Зав бакалейным отделом, низенькая худая женщина (убей меня грузчицкий бог, не помню, как её звали), вышла в зал, подняла руку, требуя тишины и прокричала:

— Гречу отвезли на фасовку. Сейчас её будут фасовать, торговля начнётся после обеденного перерыва. А пока расходитесь!

— Мы подождём! — в четыре сотни глоток отвечала очередь.

Волнение сразу улеглось. Ждать люди, приученные к очередям, были согласны. Главное, получить вожделенный пакет крупы.

Магазин закрылся на обеденный перерыв. Очередь послушно покинула зал, но никуда не делась. Четыреста человек блокировали входные двери, чтобы, после того, как прозвучит звонок, первыми войти внутрь, никого не подпустив к бакалее.

На фасовке тем временем началось священнодействие.

Как, собственно, осуществляется эта самая фасовка? В нашем универсаме имелась изрядная по тем временам новинка: электронные весы, наподобие тех, что сегодня красуются во всяком овощном ларьке. На чашку клался товар, на боковой

клавиатурке набиралась цена, и в окошечке тут же появлялся вес и стоимость покупки. Есть у этих весов ещё одна штучка: кнопка аретирования (кажется, она называется так). Она позволяет определять чистый вес товара, вычитая из брутто вес упаковки. Эта же кнопка позволяла совершать маленькие милые махинации.

Случись внезапная проверка, а такие проверки случались, за неисправные, плохо отрегулированные весы, с начальства могли снять голову, поэтому, все рабочие весы были исправны и поверялись регулярно. Цена деления у весов была два грамма и, как нетрудно догадаться, если взвешивалось что-то очень лёгкое, ошибка измерений бывала достаточно большой. Любой специалист, занимающийся измерениями, подтвердит, что взвешивание надо делать так, чтобы результат падал на середину шкалы, а не на её край. Конечно, никто и никогда в магазине не взвешивал пять граммов масла или три грамма колбасы, но правило середины шкалы выполнялось неуклонно. На каждых весах лежал небольшой грузик: гаечка или железная шайба весом около двух грамм. Во время работы кнопка аретирования должна быть нажата, чтобы эти два грамма вычитались и не входили в стоимость покупки. Думаю, что никто не удивится, узнав, что кнопка нажималась лишь в ту секунду, когда в отдел входил ревизор. Таким образом, на каждом взвешивании магазин выгадывал два грамма, что вполне допустимо с точки зрения закона. Рассказывали, что в других магазинах недовес бывал в несколько раз больше, но там зав отделами и директора долго на своих местах не удерживались, с завидным постоянством отправляясь на перевоспитание. В предпраздничные дни и субботы, когда продукты с прилавков расхватывались мгновенно, а о проверках никто не помышлял, грузик менялся на более весомый; в эту пору гастроном делал навар.

Не знаю, практиковалось ли подобное в бакалейном отделе. Килограмм лущёного гороха стоил десять копеек, и не имело смысла выгадывать на каждом весе по два грамма. Но сейчас, когда началась торговля гречей, схема заработала по аварийной программе. В отделе было двое весов, и на чашке у каждых вместо привычного грузичка стояла упаковка клея ПВА. С тех пор я знаю, что упаковка этого клея весит сто двадцать граммов. Недовес в двенадцать процентов — для государственного магазина это беспредел! Речь шла не о деньгах, греча при всей своей дефицитности, стоила дёшево. Надо было, отоварив очередь в четыреста человек, оставить хотя бы один мешок для своих. Мешок этот уже был спрятан в дальней кладовке, чтобы ничей любопытный взгляд не обнаружил его.

Расфасованная греча в большой корзине вывозилась в зал, и

зав отделом лично выдавала по одному пакету тем, на чьей ладони красовался порядковый номер. Получившие дефицит исчезали мгновенно, очевидно, опасаясь, что у них отнимут обретённое сокровище. Проверять вес никому не приходило в голову.

Разумеется, сэкономленного мешка на всех не хватило, так что, перед закрытием магазина по килограмму ядрицы (на этот раз без обвеса), получили только избранные. Не знаю, дали бы мне пакетик крупы, если бы я стал претендовать на её получение. Вполне возможно, что дали бы, всё-таки я разгружал хлеб и был в бакалейном отделе своим человеком. Но у меня дома было довольно гречи, полученной по медицинским каналам, поэтому я ничего не просил, и причитающуюся мне кашу съел кто-то другой.

ТЯЖЁЛАЯ РАБОТА

Приходит в универсам машина с товаром, становится к эстакаде, и начинается разгрузка. Одни товары разгружать легко и приятно, с другими приходится помучиться. А что разгружать всего трудней?

На первый взгляд, хуже всего — мясо. Хорошо, если привезут худосочных российских коровёнок. Средний вес у этих полутуш — 120 килограмм, то есть, на руку ложится чуть больше полуцентнера. А если импорт? Привезут залитые жиром французские или бельгийские полутуши; там на руку будет приходиться и девяносто, и сто килограммов. Случалось, на эстакаду вызывали мясника, чтобы он разрубил неподъёмные полутуши на четвертины. Вот только нести их становилось неудобно.

Рыба тоже хороша. Замороженные брикеты получали поштучно, считая, что в брикете ровно сорок килограммов мороженой рыбы. Но на самом деле бывало и сорок пять, и пятьдесят кило. Рыба в ту пору стоила дёшево, а флот наш не гнался за сверхприбылями. Носить рыбные брикеты приходилось в обнимку, после чего нужно было срочно менять передник и рукавицы.

И всё же, долгое время я считал, что самый противный товар — соль. Привозили её в алюминиевых ящиках, по двадцать килограммовых пачек в каждом. Ящики были украшены ручками из тонкого алюминиевого прутка. Тут нарушался первый грузчицкий закон: ничего не брать пальцами. Ладонями скользкий алюминий не удержишь, а ручки были, как правило, погнуты и плотно прилегали к стенкам ящика. Поднять эту двадцатикилограммовую дуру можно было только кончиками пальцев. Стандартный привоз соли — четыре тонны. Двести уродских ящиков надо погрузить на тележки, а потом сгрузить в отделе. Изувеченные пальцы болели потом неделю, а то и две.

Таковы были мои предпочтения со знаком «минус» до той поры, пока первый раз в магазин не привезли деньги.

В универсам люди приходят, да и прежде приходили с крупными деньгами. А, расплачиваясь за покупку, неизменно получали какое-то количество мелочи. Мелочь эта уходила из карманов во время поездок на городском транспорте, при покупке мороженого, пирожков и прочей ерунды у уличных торговцев, в киосках «Союзпечати» и много где ещё. Конечно, случалось, что и в магазине кассирша спрашивала, нет ли у покупателя нужных копеек, но гораздо чаще просто отсчитывала сдачу из полных

кассовых ящиков.

Выручку универсам сдавал в банк. Когда и как это происходило, сказать не могу, через эстакаду инкассаторы не ходили, и в поле зрения грузчиков не попадали. В банк отправлялись только купюры, а мелочь оставалась в кассе, чтобы на следующий день тоже было, чем рассчитываться с покупателями. Однако с течением времени запас мелочи иссякал и тогда в магазин приезжала машина с деньгами.

Обычный рафик, ничуть не блиндированный, въезжал во двор и останавливался неподалёку от бочки, в которой сжигался мусор. Кроме шофёра в машине сидело ещё два человека. Оружия у них заметно не было, но казалось бы странным, если бы они вытащили свой арсенал и принялись им размахивать. На полу рафика между сиденьями валялись мешки с деньгами.

Советские монеты, начиная с 1930 года чеканились из никелистой бронзы. В медных монетках было больше меди, в серебряных больше никеля. Однокопеечная монетка весила ровно один грамм, так что ею можно было пользоваться как гирькой. Чеканились монеты в одну, две, три и пять копеек. Серебряные (а верней, тоже медно-никелевые) монетки: гривенники, пятиалтынные и двугривенные печатались, исходя из другой стопы, но их также можно было не пересчитывать по одной штучке, а взвешивать.

Мешок медной монеты из плотного сукна, прошитый прочной нитью и опечатанный, содержал сумму в пятьсот рублей и весил пятьдесят килограмм. А с виду — так себе мешочек, не особо большой. Казалось, их можно брать по четыре штуки и весело взбегать с ними по лестнице на второй этаж. Но не тут-то было! Мешочек с копейками или пятаками и в руках не так просто удержать. Приходилось взваливать его на плечо или держать в охапке. А центральная касса, куда следовало отнести все мешки, как уже сказано, находилась на втором этаже.

Серебряные монеты весили меньше, но и их таскать радость невеликая. Нет хуже работы, чем грузить деньги.

К чему это я рассказываю? Просто пришла в голову забавная мысль… Вот цитата из только что написанной и покуда не опубликованной фантастической повести «Медынское золото»: «Удивительный товар — золото! Казалось бы, насыпал мешок золотых перстней, взвалил на плечо да пошёл. Ан, не тут-то было! Нет ни металла, ни камня более веского, чем золото. Идёт человек, сгибаясь от непосильной тяжести, а тащит всего ничего, одно погляденье».

Вот и гадайте, откуда родом это невероятно фантастическое описание.

ВИСЯТ БАНАНЫ ВЫСОКО

Людям молодым следующая история может показаться фантастикой. В самом деле, нашли из-за чего волну гнать — бананы! Уж этого фрукта в любом ларьке завались по самым демократическим ценам. А четверть века назад «вселенский плод ананаба» упоминался с придыханием и дрожью в голосе.

Фургон въехал во двор и остановился, перекрывая подъезд всем остальным машинам. Из кабины вышли шофёр и доверенный сотрудник ОБХСС. Проверили целостность печатей и встали возле фургона на страже. Появился из своего кабинета директор, из недр гастронома вынырнул Сергей Саныч. Нилка посуровела и подтянулась.

Дело небывалое — привезли бананы.

Проверили печати ещё раз, уже в присутствии магазинного начальства. Только после этого печати были сняты и двери фургона распахнулись. У самого выхода из машины лежала жалкая горочка картонных коробок. Всего-то двести килограммов, тут и разгружать-то нечего.

Коробки были пересчитаны, шофёр влез в кабину, машина с распахнутыми дверцами дала задний ход и гулко припечаталась к эстакаде. Не пожалел шофёр ни эстакады, ни собственного фургона. Зато между машиной и стеной не осталось ни малейшего зазора.

Лишь после этого директор и ОБХССник поднялись на эстакаду, со скрипом раздвинули стальные шторы и увидели, что одна восьмикилограммовая коробка бесследно исчезла.

Нилка и Сергей Саныч остались караулить машину, Фёдоров и ОБХССник ринулись во двор. Первым делом сунулись под эстакаду, — но в узкой нише не было ничего, кроме мусора. Оглядели двор, — нет ничего. Только что приезжал таровоз, двор стал обширен и чист. Обшарили не вывезенную тару, заглянули в бочку для сжигания стружки и ломаных ящиков. Ничего… Видно было, что Фёдорову очень хочется обыскать грузчиков, стоящих во дворе, хотя спрятать под фартуком восьмикилограммовую коробку с бананами дело непростое. На всякий случай Фёдоров гневно спросил:

— Что вы тут делаете?

— Разгружать ждём, — меланхолично ответил Саня Трамвайщик.

Начальство вернулось на эстакаду, вновь принялось пересчитывать коробки, тыкать пальцами в накладную, снова пересчитывать коробки, как будто от пересчитывания они

умножатся. Пересчитать грузчиков никто не догадался, грузчики в большом магазине невидимы, одна Нилка присматривает, чтобы нигде и ничего у них не оттопыривалось. А будь директор повнимательней, мог бы заметить, что когда машину только открывали, разгрузки ждали два человека: Трамвайщик и Хромой Глаз, а когда он выскочил во двор, грузчиков почему-то стало трое. Но, не годился Фёдоров в шерлоки холмсы, и не догадался спросить, а где пятый из нашей бригады, тот самый, неприметный, не то Лёха, не то Андрей. Так и пришлось начальству смириться с пропажей коробки бананов. Бананы украли прямо на глазах представителя Отдела Борьбы с Хищениями Социалистической Собственности.

Что касается меня, то я всё время был на эстакаде. Сидел на ящике, прислонившись к стене и через узкую щель между кирпичной кладкой и железной шторой мне была видна изнанка происходящего. Вот директор и милиционер распахнули дверцы фургона, перекрыв тем самым себе обзор. Отошли в сторону, чтобы не попасть под машину, дающую задний ход. На несколько секунд бананы оказались в мёртвой зоне, где их не видел никто, кроме меня.

И тут из-под эстакады выскочил Витёк. Схватил коробку с бананами и… А куда деваться? Назад под эстакаду? Там смотрели в первую очередь. В сторону? Немедленно окажешься в зоне видимости.

Витёк швырнул коробку в небо, а сам нырнул под эстакаду за мгновение до того, как автомобиль с грохотом припечатался к стене. Представляю, что было бы, задержись Витёк хоть на секунду. А на крыше эстакады уже ожидал Леха-Андрей. Надо полагать, стоял на карачках, иначе его заметили бы со двора. Но, в любом случае, коробку он сумел поймать и быстренько унёс её, пройдя по крышам и спустившись по пожарной лестнице прямиком на улицу. А Витёк, едва директор ушёл со двора, вылез из-под эстакады и с невинным видом присоединился к двум Саням, которые и впрямь «ждали разгружать».

Операция по изъятию бананов была проведена безукоризненно. Как именно бананы были конвертированы в свободную валюту, я не знаю, но вернулся Лёха-Андрей довольно быстро; добежать до «Сосновского» за это время было бы невозможно.

Но с тех пор не даёт мне покою одна, не мысль даже, а ощущение. В своё время мне довелось видеть, что бывает с человеком, когда на него падает большой груз. И с Витьком вполне могло бы случиться почти то же самое. Неужели он не понимал, чем рискует? И ради чего? Не знаю, сколько ловкая

пара сумела выручить за похищенные бананы, но вряд ли это были слишком большие деньги.

Особенно нелепой кажется эта история сегодня, когда дефицитные некогда бананы лежат в любом задрипанном ларьке по самым демократическим ценам.

А о том, что оставшиеся бананы в продажу так и не поступили, а были реализованы с заднего крыльца, подробно рассказывать вряд ли стоит.

СОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Горбачёвская борьба с пьянством и алкоголизмом состояла не только в запретах и уничтожении винной промышленности. Было в ней и нечто созидательное. В частности, в магазинах появилась масса лимонадов, в том числе, дожившие до наших дней «Тархун» и «Буратино». А ведь была ещё и «Мальвина» — отвратительного голубого цвета, была замечательно вкусная «Лесная ягода», появился лимонад «Малиновый». Первый месяц или два, все эти напитки пользовались большим спросом, но затем они катастрофически быстро портились, превращаясь в подкрашенную, чуть сладковатую водичку. Марку удержала только «Пепси-кола», которую так и не удалось никому разбавить.

Кстати, в ту пору концентраты лимонадов были на спирту, их воровали с предприятий и пили вместо запретной водки. Назывался сей напиток «чёртом», и всего выше ценился «чёрт» лимонный и лесной ягоды. Впрочем, говорят, в других регионах у чёрта были другие названия.

Помимо лимонадного изобилия в магазинах появилась масса соков. Прежде в ассортименте присутствовали яблочный, виноградный, апельсиновый и томатный соки. В конце семидесятых в продаже появился «берёзовый сок» — вполне синтетическая жидкость, не имевшая никакого отношения к берёзам. Несмотря на мощную рекламу в фильмах и песнях, особой популярностью этот напиток не пользовался. А после «Постановления» в продажу хлынули сок грушевый, айвовый, мандариновый с мякотью, яблочно-черносмородинный и яблочно-черноплодный, яблочно-морковный, овощной, грейпфрутовый и гранатовый… Грейпфрутов и гранатов в продаже не было, а соки — пожалуйста. Всё, что прежде загнивало на складах, а затем отправлялось в ёмкости для брожения и перерабатывалось в плодово-ягодное (у нас говорили: «плодово-выгодное») вино, теперь пастеризовалось, разливалось по трёхлитровым банкам и отправлялось в магазины. Приходило всё это в хлипких ящичках, по четыре банки в ящике. Ящики были неприспособленны для такого товара, и нужно было проявлять крайнюю осторожность, чтобы не грохнуть всё к чёртовой матери и не вымыть пол на эстакаде томатным или виноградным соком.

Мужики, понимая, что это уходит их несостоявшаяся бормотуха, соки угрюмо ненавидели. «Дристотень пришла!» — говорил Саня Трамвайщик, когда грузчиков звали на бакалейную эстакаду, куда обычно подъезжала машина с соками.

Покупатели трёхлитровые баллоны с соком разбирали

неохотно, разве что перед праздниками, поэтому было приказано, чтобы в каждом сколько-нибудь значительном продуктовом магазине была организована продажа соков в розлив. Появилась такая торговая точка и у нас. Её организовали возле выхода из касс. Поставили стеллаж для банок, а перед ним — прилавок с мраморной доской. Провели воду для стаканомойки. Воздвигли штатив с тремя цилиндрами. На самом деле это были не цилиндры, а стеклянные конусы с краниками внизу, этакие трёхлитровые морковки. Но, как я недавно выяснил, во всех документах эта штука называлась «цилиндр-дозатор». Кроме того, оказалось, что санитарные нормы предписывают, чтобы в местах торговли томатным соком были выставлены соль и перец. Разумеется, никакого перца у нас не выставлялось, чёрный перец к середине восьмидесятых стал дефицитом, и в продаже его не было. На прилавке стоял только стакан с мокрой солью, и второй, где бултыхалась пара чайных ложечек.

Работать торговая точка начинала в десять часов, а заканчивала, когда весь взятый на реализацию сок бывал распродан. Продавщица, которую мы промеж себя называли «сочной женщиной», отбирала по два-три ящика виноградного, яблочного и томатного соков, и по одной-две банки всего остального. Самые популярные соки наливались из цилиндров, остальные, вопреки правилам и нормам, прямо из банки. Контролёр, надзирающий за кассами, отмечал, сколько и каких банок вывезено на торговую точку. С этой минуты банки считались взятыми на реализацию, и отвечала за них только сочная женщина. Получалось, что как бы пришла в магазин рядовая покупательница, приобрела тридцать трёхлитровых банок сока и принялась на свой страх и риск торговать им возле выхода из универсама.

Когда весь сок был распродан, сочная женщина мыла пустые банки на стаканомойке, прибирала рабочее место, а затем появлялась на эстакаде.

— Мальчики, помогите, пожалуйста!

Кто-нибудь из «мальчиков» вставал, прикатывал со двора картофельный контейнер поновее, подъезжал к соковому прилавку, где пустые банки перекладывались в контейнер. Тридцать банок как раз укладывались в один контейнер. Затем надо было выехать из магазина, спуститься по пандусу и отправиться в путешествие в соседний двор, где вместо детской площадки был выстроен пункт приёма молочных бутылок. Там же, кроме бутылок принимались и банки. В пункте всегда толпился народ, но работники магазина обслуживались без

очереди, и никто не роптал, люди понимали, что дело важное, а надолго их не задержат: сдать тридцать банок занимает пару минут. Денег отсчитывать в этом случае было не нужно, приёмщица делала отметку на накладной, сколько банок принято, и я даже не знаю, когда производился окончательный расчёт.

За такую поездку, строго говоря, не входившую в наши обязанности, сочная женщина платила грузчику пятьдесят копеек. Дополнительный заработок выдавался непременно одной монеткой, что я считаю это доброй традицией.

Поначалу сочную женщину обслуживал тот, кто оказывался ближе, но постепенно эта завидная обязанность легла на меня. Наступила зима, пандус обледенел, да и по дворам стало трудно проехать среди наледей, а мои товарищи по бригаде к вечеру бывали уже изрядно выпившими, и никто не хотел рисковать.

Но потом сочная женщина уволилась; нашла работу ближе к дому или просто более выгодную. Пару смен соковая точка простаивала, потом на это место взяли другую продавщицу, у которой стервозность была не написана, а словно вырублена на физиономии. И вместо привычного «Мальчики!» незадолго до конца смены раздалось: «Грузчика!» — словно кто-то обязан грузчика предоставить.

Доброе слово и кошке приятно, но когда работаешь на низовой должности, на вежливость особо рассчитывать не приходится. Я встал, пригнал контейнер, вывез и сдал банки. Но когда я подошёл к продавщице и отдал накладную, то привычного полтинника не получил. Я скромно напомнил о себе, но услышал в ответ:

— Ишь, губу раскатал! Иди-иди!

Честно говоря, было обидно. Пятьдесят копеек сумма даже по тем временам никакая, но обижало хамски-барственное отношение. На следующий день я не поленился забежать в магазин и предупредить сменщиков, что за дурында явилась на место нашей сочной женщины. Предупреждение пропало втуне, потому что на следующий день с утра прибежал человек из сменной бригады с рассказом, что стерва из сокового платить отказывается. И мы договорились, как нам действовать впредь.

— Грузчика! — раздалось часа за два до закрытия магазина, но никто из мужиков не тронулся с места.

Продавщица (сочной женщиной её назвать язык не поворачивается) кинулась к Мармеладовне, но та содействовать решительно отказалась.

— Сами договаривайтесь. Приёмный пункт к универсаму не относится, грузчики его не обслуживают. Или сами везите свои

банки.

— Как же я повезу? Там не проехать!

— А как я проезжал? — спросил я. — Аккуратненько надо.

Дура вновь разоралась, а потом, делать нечего, сдалась.

— У, рвачи окаянные! Ладно, заплачу вам, подавитесь моими копейками!

— Деньги вперёд, — потребовал я. — И за прошлую смену тоже. Так что, с вас рубль.

Со стонами и проклятьями рубль был выдан. Справедливость восторжествовала.

Я, вообще-то, тугодум. Каждое событие своей жизни, каждую ситуацию долго и мучительно пережёвываю прежде, чем дать оценку произошедшему. Прежде всего, я понял, что упустил удобный случай поднять расценки на вывоз пустых банок. А потом задумался о другом. Пятьдесят копеек — плата чисто символическая. Конечно, я бился не за дополнительную монетку с профилем Ильича, а за справедливость, но самый факт, что справедливость съёжилась до размера полтинника, настораживал. Прежде подобной мелочности я за собой не замечал. Передо мной замаячил призрак профдеформации. Это был первый звоночек, возвещавший, что рано или поздно с несуетной должностью грузчика придётся расставаться.

ШКОЛА КОММУНИЗМА

Из бухгалтерии раз в месяц приносят квиточки на зарплату. Обычно смотришь, сколько там тебе причитается, и суёшь бумажку в карман. Но в тот раз я, от нечего делать, принялся читать и заметил некую несообразность. Оказалось, что в августе месяце я отработал нечётное количество часов. Но этого никак не могло быть! Мы работаем с семи часов утра до девяти вечера без обеденного перерыва (случалось бригаду срывали из столовой, если приходила неурочная машина). А это четырнадцать часов. Никаких коротких дней у нас не было, все смены отработаны полностью, а часов стоит нечётное число.

Подошёл к Нилке, — она отмахнулась. Вечером спросил у Мармеладовны — тоже не знает.

На следующий день, выбрав свободное время, поднялся в бухгалтерию и там узнал, что, собственно происходит. Расчётчица объяснила, что согласно «Трудовому кодексу», рабочая неделя в Советском Союзе составляет сорок один час, и именно столько нам и ставится.

— Но мы-то работаем по четырнадцать часов через день, воскресенья — выходные, так что получается сорок два часа! — возразил я.

— Если мы будем ставить сорок два часа, — пояснила бухгалтерша, — то один час придётся оплачивать сверхурочно.

— Я согласен, — с готовностью поддержал я добрую женщину. — Оплачивайте сверхурочно.

— Сверхурочные на регулярной основе запрещены.

— А ставить в табель меньше практически отработанного можно?

— Я не табельщица. Сколько мне дают, столько я и считаю.

Так я ничего и не добился. На следующую смену, вооружившись «Трудовым кодексом», я отправился на приём к директору. Фёдоров внимательно меня выслушал и напомнил:

— А обеденный перерыв?

Пришлось показывать соответствующие статьи. Обеденный перерыв у грузчиков не фиксирован, работа на этот период не прекращается, и, значит, время обеда из общей продолжительности рабочего дня не вычитается.

Тогда Фёдоров представил другой довод:

— А сколько грузчики воруют, вы учитываете?

— Я — нисколько. А что, можно воровать? Тогда издайте приказ, что каждому грузчику разрешается ежемесячно украсть товаров на такую-то сумму. Обещаю, что ни на копейку больше я

не сопру.

Фёдоров посмеялся и сказал, что ради меня установившуюся практику он менять не станет.

Собратья грузчики, знающие, зачем я отправился к директору, поинтересовались, насколько удачной была моя миссия. Я кратенько рассказал и добавил, что так этого не оставлю, а пойду в Обком профсоюзов. В конце концов, они на то и существуют, чтобы защищать права трудящихся.

— Уволят, — обречённо констатировал Саня Хромой Глаз. — У нас один пошёл жаловаться на директора, на следующий день приходит на работу, а ему говорят: «Ты уволен вчерашним днём, забирай трудовую и вали отсюда».

Такая угроза меня ничуть не испугала. Легко уволить временного работника: записал в книжку: «В связи с окончанием срока работ», — и гуляй на все четыре стороны. Такой случай у нас был: как-то летом на освободившуюся ставку пришёл парень-студент, решивший подработать малость. Отработал он чуть больше недели, после чего, не знаю уж по какой причине, был уволен. Но я-то взят на постоянную работу, тружусь грузчиком больше полутора лет и никаких взысканий за это время не имел. Обычного грузчика тоже не сложно выгнать: составить акт о появлении на работе в пьяном виде, после чего можно гнать человека по статье. Но в моём случае этот фокус не проходит; акт придётся составлять фальшивый, и, если я устрою скандал, неприятностей не оберёшься; весь универсам знает, что я человек абсолютно не пьющий, а сотню человек лжесвидетельствовать не заставит даже директор.

Обдумав всё как следует, я в один из ближайших выходных отправился на Антоненко, где располагался в ту пору Обком профсоюзов работников торговли.

Я малость побаивался встретить там прожженных крючкотворов, гоняющих изнемогшую толпу от одного кабинета к другому, боялся увидеть длинные очереди, образцы бланков и заявлений, которые придётся заполнять, и прочую бюрократическую кухню. Но ничего этого в натуре не оказалось. По меткому определению Владимира Ильича Ленина, «профсоюзы это школа коммунизма», поэтому бюрократические формы работы были им напрочь чужды. Я немедленно был принят зам председателя профсоюза работников торговли. Очень жалею, что я не списал с таблички на дверях её фамилию, и теперь не могу назвать её во всеуслышание. Впрочем, с тех пор прошло почти четверть века, и если профсоюзная бонза и жива, то находится ныне в глубокой старости, а возможно, и маразме, так что, сводить с ней счёты бессмысленно и поздновато.

Когда я начал объяснять суть конфликта, хозяйка кабинета, не дослушав, спросила:

— Вы из какого универсама?

— Тридцатый. Луначарского шестьдесят.

Хозяйка кабинета подняла телефонную трубку, не заглядывая в справочник, набрала номер.

— Ирина Александровна? Здравствуйте. Из обкома профсоюзов беспокоят. Узнали?.. Очень приятно…

Пока я удивлялся, что собеседницу профдамы зовут также, как и нашего коммерческого директора, разговор коснулся моего вопроса:

— Тут от вас грузчик пришёл, с жалобой. Пожалуйста, примите меры, чтобы жалоб больше не было.

Повесив трубку, начальница подняла на меня равнодушный взор и сказала:

— Вы свободны.

— Но вы даже не… — начал было я, но продолжать мне не дали.

— Я сказала: «Свободны». К нашему профсоюзу вы больше отношения не имеете.

Прекрасный урок преподала мне школа коммунизма!

Будь я просто грузчиком, Санино пророчество сбылось бы немедленно и в точности. Я был бы уволен в тот самый час, когда перешагнул порог поганого профсоюзного кабинета. Но просто так выгнать честного и непьющего рабочего нельзя даже по указке профсоюза, и потому на следующий день я на работу вышел.

Со свойственной мне медлительностью я обдумывал очередной шаг, однако, последующие события своротили мои мысли на другое. Во время одного из перерывов во дворе появился Серёга Баклан — наш коллега из пункта приёма винных бутылок. Он кивнул мне, приглашая отойти в сторонку, и, когда мы остались вдвоём, тихо сказал:

— Тут такое дело. Не знаю, что у тебя с Фёдоровым вышло, но он меня хотел подписать, чтобы я тебе ящик на голову спустил, будто бы несчастный случай. Я отказался, я честный баклан и такими делами не занимаюсь. И тебя я уважаю. Но ведь он кого-нибудь другого найдёт. Так что, ты гляди в оба.

Я поблагодарил честного баклана за предупреждение, и Серёга ушёл, не поинтересовавшись, что я не поделил с Фёдоровым. А я остался думать.

Угроза меня не испугала. Я и сейчас склоняюсь к мысли, что Фёдоров хотел лишь припугнуть меня и сам подослал соседского грузчика с таким предупреждением. А вот противно стало до крайности.

И ещё одна мысль: А чего ради я сражаюсь? После подобного скандала мне грузчиком больше не работать, ни в этом магазине, ни в каком другом. Да и не собирался я всю жизнь оставаться грузчиком. Положить жизнь ради того, чтобы несколько алкоголиков получали в месяц на десятку больше? Хороша идея, нечего сказать! К тому же, директор прав, недостающую десятку работяги с лихвой компенсируют мелкой тащиловкой.

Просто, я слишком прочно стал ассоциировать себя со своим рабочим коллективом, и профдеформация заговорила в полный голос. Значит, надо уходить.

Жаль было удобного расписания, выходных через день, но, с другой стороны, никаких новых впечатлений работа грузчиком предоставить не могла. Вслед за осенью придёт зима, и под серую куртку придётся поддевать старый свитер. Будут приходить ежедневные машины, порой будет приезжать дефицит, вроде тех языков, что хранились у меня в морозилке. Но ничего принципиально нового не будет.

Конечно, я рассуждал, как дитя застоя. В конце 1986 года уже можно было наблюдать первые проталины будущей весны, но что это весна, а не краткая оттепель, честно говоря, не верилось. А мне хотелось нового.

К тому же, Таня, моя жена, только что защитила кандидатскую диссертацию. Положение складывалось анекдотическое, в полном соответствии с известной песней об электрике Петрове. И когда Таня в очередной раз (а такие разговоры возникали неоднократно) сказала, что в ближайшей школе срочно требуется учитель химии, я согласился зайти туда и узнать, что и как. Страшновато было, но и интересно тоже.

Школа действительно начала учебный год без учителя химии. Завуч, с которой я встретился, с большим сомнением отнеслась к моему послужному списку, но пристойные оценки по основным дисциплинам в дипломе и мой не испитый вид решили дело в мою пользу.

Обрадованное магазинное начальство уволило меня в тот самый день, когда я принёс заявление, а через пять дней я уже проводил свой первый урок.

Восьмилетняя школа № 65 расположена метрах в двухстах от универсама № 30. Внешность у меня приметная, узнали меня немедленно, и по школе как стон прошёл: «Грузчика учителем взяли!»

Как в этих условиях я добивался авторитета у школьников, тема долгого и интересного рассказа, но к моим универсамам она не имеет уже никакого отношения.

POST SCRIPTUM

И всё же универсам № 30 ещё раз всплыл в моей жизни. Шла осень 1989 года. Советская власть ещё существовала, но уже клонилась к упадку, и все наслаждались свободой. Как раз в это время в Болгарии в славном городе Бургас проходил «Орфикон», и я, как один из авторов журнала «Орфия» был туда приглашён. В Союзе Писателей мне помогли с визой, и я отправился в первое в своей жизни заграничное путешествие. Могучий авиалайнер ТУ-154 должен был отнести меня за рубеж. Пулково-2, паспортный контроль, таможня… — как всё было ново и необычно! Ждём посадки в накопительном тамбуре — сейчас эта штука называется иностранным термином «дьюти фри». И тут я вижу Ирину Александровну, коммерческого директора моего универсама. Ту самую Ирину Александровну, которой профсоюзная мымра поручила разобраться со мной, чтобы я не смел качать права.

Взгляд Ирины Александровны, брошенный на меня, был воистину драматическим. Вроде бы она меня узнала, но мощный психологический барьер не позволял ей узнавать. Не может грузчик быть здесь, среди избранной публики, едущей отдыхать на Слънчев Бряг, который в ту пору был верхом мечтаний чистой российской публики.

С некоторым чувством злорадства я демонстративно отвесил Ирине Александровне поклон. Не узнать меня стало невозможно. В ответ последовал судорожный кивок. Впервые я воочию наблюдал, как рушатся представления о жизни. Психологи называют этот процесс когнитивным диссонансом.

В самолёте места Ирины Александровны и её спутника были на два ряда впереди меня. То и дело, то он, то она оглядывались, проверяя, не снится ли им этакое чудо.

В Бургасе мы практически одновременно прошли таможню и вышли в зал, где толпились встречающие.

Наверное, каждому, кто впервые попал за границу взрослым, знакомо чувство беспомощности, которое охватывает человека, не знающего языка, когда он ступает на землю чужой державы. Беспомощность эта сквозила в каждом движении коммерческого директора. Наверное, я представлял бы ещё более жалкое зрелище, но меня-то встречали болгарские друзья! Меня хлопали по плечу, спрашивали, хорошо ли я долетел. Потом меня усадили в машину, и я уехал, провожаемый непонимающим взглядом моего бывшего начальства.

И это уже действительно конец.

***

Этими двумя главками "Мои универсамы" будут заканчиваться. На самом деле, это не конец, мне осталось написать ещё несколько глав: "Ростовский разруб", «Подвальщик», "Табачный киоск", "Кухонный мужик", «Легкотрудник»… Возможно, вспомнится ещё что-то, требующее отдельных глав. Но начало и конец имеются, значит, можно получить представление о произведении в целом. Месяц «Универсамы» на ваших глазах появлялись на свет, ваши комментарии не раз помогали мне, напоминая, о чём я не удосужился написать. Спасибо вам.

Святослав Логинов (08/01/2011)

ПОДВАЛЬЩИК

Из торгового зала в служебные помещения вели два входа: на гастрономию и бакалею. Между собой отделы соединялись длинным коридором. По одну сторону коридора располагались двери холодильных камер. Каждая камера представляла собой квадратную комнату площадью около двадцати метров. Всего их было пять или шесть, точно не помню. Напротив холодильников вольно раскинулись фасовки гастрономического отдела, а также его филиалы: мясной и рыбный. Вся бакалея, за исключением закутка, где торговали тортами и пирожными, ютилась в боковом крыле. В противоположном крыле располагался овощной отдел, принадлежавший гастроному. С двух концов коридор упирался в эстакады. Бакалейная эстакада обычно была заперта и загромождена ящиками с солью, коробками макарон и прочим дешёвым товаром, который не требовал особой охраны.

Эстакада гастрономическая, напротив, была весьма оживлённым местом. Там в стеклянной будке сидела эстакадница, надзиравшая за разгрузкой машин и строго следившая, чтобы ничто не вытаскивалось во двор.

Там же находилась лестница, ведущая на второй этаж. Второй этаж чётко делился на чистую и чёрную половины. На чистой половине располагались кабинеты директора и его зама по коммерческой работе, главная касса, бухгалтерия и комнатушка кадровички. На половине чёрной была грузчицкая раздевалка, душ, которым никто и никогда не пользовался, и кладовые, где хранилась рабочая одежда, новые швабры, тряпки для уборщиц и прочие, потребные в работе вещи.

На противоположной стороне универсама, над бакалейным отделом тянулись обширнейшие раздевалки для фасовщиц, укладчиц, кассиров, уборщиц и прочих представительниц прекрасного пола, которых было в коллективе абсолютное большинство.

Уборщиц магазину полагалось две, обычно это были женщины пенсионного возраста, мывшие пол за какие-то смешные деньги, которые, тем не менее, служили подспорьем к советским пенсиям, о коих с такой ностальгией вспоминают люди, этих пенсий не получавшие. Работать пенсионеркам дозволялось не более двух месяцев в году, поэтому уборщицы сменялись с калейдоскопической скоростью.

Однажды милиция прислала нам на перевоспитание девятнадцатилетнюю тунеядку. Девица была откровенной шлюхой. Обычно таких милиция не трогала, но эта слишком

часто попадала в вытрезвитель, и властям надоело возиться с ней. На юную проститутку было заведено дело по той же статье, что и на поэта Бродского. Полагалось, прежде чем отдать тунеядца под суд, сперва дать ему направление на работу. Не берусь судить, было ли выдано такое направление Бродскому, а нашу проститутку направили уборщицей в универсам. Отработала она ровно неделю, после чего исчезла, даже не забрав новенькую трудовую книжку. Но эту неделю её усиленно заставляли драить полы. Не могу забыть, с каким брезгливо-беспомощным видом, держа тряпку кончиками пальцев, она замывала с пола блевотину после того, как кого-то из перебравших грузчиков стошнило в коридоре. При этом она, ни к кому в особенности не обращаясь, материлась визгливым, плачущим голоском.

Толик Рецидивист, принятый на место уволенного Витька (сменял магазин шило на мыло), долго наблюдал за мучениями новоявленной уборщицы, а затем не выдержал:

— Перчатки резиновые надень, дура!

Однако продолжим описание служебных помещений.

Ровно посредине центрального коридора торчало сооружение, напоминавшее люк мусоропровода, увеличенный в четыре раза. Вёл люк в мрачные владения Бори Подвальщика. В этот люк сваливали весь бумажный мусор, которого в универсаме образовывалось изрядное количество.

Разумеется, в подвал можно было попасть не только через люк, и кроме макулатуры там было много чего ещё. Лестница, ведущая на второй этаж, также опускалась и в подвал. Всё правое крыло подвала занимали винные кладовые, отгороженные толстыми решётками и запертые на пудовые замки. В винный отдел из подвала вёл грузовой лифт, в который влезало четыре ящика. А выпивалось всякой дряни куда как больше, так что ежедневное затаривание винного отдела составляло весьма значительную часть нашей работы.

Забавно, что точно такой же грузовой лифт имелся в Публичной библиотеке, в её справочном отделе. Свои выходные я частенько проводил в Публичке и, бывало, вздрагивал, когда из лифта, вместо ожидаемых ящиков с ромом «Гавана Клаб», библиотекарь вытаскивал стопки книг.

Под бакалейным отделом были мастерские, там сосуществовали дежурный электрик и холодильщик. А вся середина, центральная часть подвала принадлежали Боре.

Худой и чернявый, Боря Подвальщик напоминал крысу, которых в его владениях водилось множество. Занимался Боря сортировкой коробок и сбором макулатуры. Всё, что было в магазине бумажного, отправлялось в люк, а там уже Боря

принимался разбирать свалившееся богатство. Клетки от яиц собирались в стопки по пятьдесят штук и перевязывались бечёвкой. Коробки из-под яиц расшивались и тоже складывались стопками. Это была возвратная тара, машины, пришедшие с птицефабрики, непременно забирали какое-то количество клеток и яичных коробок. Возврату подлежали и огромные коробки из-под развесных макарон, а может быть, и ещё что-то… не помню. Но основная масса сброшенного в подвал, шла в макулатуру. Бумагу и картон Борик упихивал в пресс, так что получались бумажные кубы с ребром около семидесяти сантиметров. Время от времени управление вторичных ресурсов присылало за ними грузовик, и тогда грузчики, цепочкой, словно муравьи, сновали с бумажными кубиками на спине из подвала на эстакаду.

Казалось бы, на этом рассказ должен закончиться, но почему-то Боря Подвальщик, самое жалкое существо на весь магазин, проникся ко мне лютой классовой ненавистью.

Работал подвальщик каждый день, в одну смену, и вскоре после обеда уходил домой. Впрочем, случалось такое нечасто, обычно Борик сидел во дворе, выжидая, не перепадёт ли ему халявный глоток бормотухи. В разговоры грузчиков вмешивался редко и обычно говорил какие-нибудь гадости. И вот, всё чаще эти гадости стали касаться меня. Поначалу Боря лишь бурчал неразборчиво, затем каждая моя реплика стала сопровождаться Бориным комментарием, чаще бессмысленным, но всегда матерного свойства. Я уже говорил, чернорабочие, как правило, не матерятся, звуки, ими издаваемые, не несут оскорбительного подтекста. Но Боря именно матерился, скучно и неумело.

К тому времени я проработал грузчиком больше года, был в бригаде своим, и казалось странным наблюдать такую ненависть да ещё от столь никчёмного человечишки.

— Что ты его терпишь? — как-то спросил Толик Рецидивист. — Это же шестёрка, с первого взгляда видно. Дай ему по шее, он и заткнётся.

— Да ну, руки марать неохота, — ответил я и был не прав.

Видя свою полную безнаказанность, Боря окончательно оборзел. Теперь он уже не бурчал, а визгливо орал при виде меня, и я начал подумывать, что и впрямь следует дать ему по шее, чтобы матерный поток иссяк или хотя бы уменьшился. Но, как обычно, события опередили меня.

Машин не было, бригада сидела на ящиках во дворе. Там же околачивался и Боря, как всегда чуть в сторонке. А я в это время снимал лоточника Володю, торговавшего в тот день яблоками. Щепные ящички из-под джонатана вторично не использовались, их сжигали в бочке, стоявшей посреди двора. Мы привезли

полную тележку этих ящиков и свалили на землю. И в этот момент, пришедший в неистовство Боря, схватил пустой ящик из-под пива и запустил им в меня. Мне даже не пришлось уклоняться, Боря промахнулся на полметра. Но при этом ящик попал по затылку не ожидавшему дурного Володе.

Расправа была короткой.

— Я не хоте!.. — визгнул Боря, после чего левый глаз его заплыл, запечатанный Володиным кулаком.

От смеха я удержался только, чтобы не обидеть Володю, который тоже пострадал в этой истории.

Я думал, что Боря, на время лишившийся глаза, станет осмотрительней. Но не тут-то было. И уже на следующую смену назревавший нарыв прорвался.

У каждого человека есть запретные, табуированные темы, где он не потерпит насмешек, даже вполне безобидных. Есть такие области и у меня. И вот, пьяный Борин язык набрёл на такую тему. Случилось это на эстакаде во время пересменка, на глазах у обеих эстакадниц: Нилки и Мармеладовны. Услышав, что орёт Борик, я подошёл к нему и негромко сказал, чтобы этих слов он не смел произносить.

Наконец-то Подвальщик сумел зацепить меня за живое! Он немедленно завопил с удвоенной силой, и мне ничего не оставалось делать, как вбить ему поганые слова обратно в глотку.

Оказалось, что драться с пьяным дураком — примерно то же, что бить варёную макаронину. Кулак не встретил сопротивления, Боря закачался, нелепо изогнувшись, но продолжал орать своё. Он даже пытался драться! Пришлось стукнуть его второй раз. Макаронина украсилась кетчупом из расквашенного носа, Боря был сбит с ног, но орёж не прекратился. Бить его ногами я не стал; не смог даже в этой ситуации. Пришлось наклониться, сгрести его за грудки, поднять, прислонив к стенке, где было некуда отлетать, и с третьей попытки отправить в нокаут.

Замечательно, что разнимать нас никто не пытался. Женщины даже не подняли визга, заинтересованно наблюдая за расправой.

Боренька очухался и жалобно постанывая, убрался со двора. Перед уходом он грозился, что пойдёт в травму, получит справку о побоях и подаст на меня в суд, за то, что я выбил ему два зуба. Наши сменщики потом рассказывали, что до травмы он добрался, но никакой справки не получил, потому что был пьян. К тому же, врач сказал, что не может отличить свежие побои от позавчерашних. Не знаю, сколько в этом рассказе правды, но придумано красиво.

На следующий день Боря, упившись до полной потери

рассудка, наконец изобрёл способ расправиться со мной. Боря объявил, что пожалуется Сережке Баклану.

— Мы с ним кореша, вместе на зоне были. Он за меня заступится!

Возле въезда во двор универсама к стене лепилась большая, обшитая железом пристройка, в которой размещался пункт приёма винных бутылок. Когда-то пристройка была кирпичной, но однажды ночью местные ханыги продолбили стену, влезли внутрь и украли непоименованное количество пустых бутылок. А наутро, поскольку другого пункта поблизости не было, пришли сдавать эти бутылки в обворованный ими пункт. После этого кирпичная сараина оделась в железную броню.

Там и работал грузчиком Серёжка Баклан. В свободную минуту он частенько выходил во двор и сидел вместе с нашей бригадой, так что, все мы его отлично знали.

Это был молодой парень, удивительно красивый и невероятно сильный. За свои неполные тридцать лет он успел трижды попасть на зону, за драки с нанесением тяжких телесных повреждений. Таких драчунов уголовники называют бакланами. Бакланы умеют постоять за себя и потому на зоне пользуются некоторым авторитетом.

Незадолго до того на секции фантастики в Союзе Писателей выступал товарищ из милиции, который рассказывал о нравах зоны и о значении криминальных татуировок. И теперь, глядя на исколотые Серёжкины кулаки, я заметил:

— Три ходки… А сумеешь отчитаться по всем перстням?

Серёжка немедленно стащил рубаху и отчитался не только по перстням, но и по всем наколкам. Было видно, что он гордится своим прошлым, ни о чём не жалеет и завязывать не собирается. С особым тщеславием он показывал наколку, сообщающую, что девятнадцатилетие он встретил в тюрьме, а также полоску на одном из перстней, означавшую, что его владелец не желает подчиняться распорядку зоны.

И к этому человеку, которому понятия заменяли все нравственные категории, явился подвальщик Боря со своей жалобой.

Когда Серёжка сообразил, что его, заслуженного баклана, подписывает на кулачную разборку несомненная шестёрка, он встал и, не сказав дурного слова, вышиб Боре ещё три зуба, сломав при этом челюсть. На этот раз Боря жаловаться не пытался.

Две недели подвальщика не было на работе, и нам приходилось время от времени спускаться в подвал и разгребать скопившуюся макулатуру по углам.

А я думаю, что зря не послушался Толика и сразу не дал Боре по шее. Есть люди, которые не воспринимают других доводов и без посторонней помощи не могут понять, где следует остановиться. Если бы Боренька вовремя получил тумака, то дело, скорей всего, обошлось бы без членовредительства.

А всё моя интеллигентская мягкотелость.

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

В предыдущих главах рассказывалось, как магазин делал навар на мизерных, два-три грамма недовесах тех продуктов, которые фасовались не на базе, а в прямо в отделах. Но вот вопрос, как эти деньги обналичить? Покупатели, взявшие товар с недовесом, платили в кассу и при этом в кассовом аппарате оставался фискальный чек. Данные кассовых аппаратов снимались ежедневно, и раз в месяц их сверяли с наличием нераспроданных остатков в магазине. Хорошо, если окажется, что выручка совпадает или чуть меньше, нежели стоимость проданных товаров. А если больше? Недостачу легко списать на воров, которых и в самом деле было немало, а вот лишняя выручка означала только одно: в магазине происходят мошеннические операции с товарами. Даже за копейку сверх положенной выручки директора или зав отделом могли снять с должности с крайне тяжёлой формулировкой.

А поскольку мошеннические операции реально проводились, то нужны были и схемы обналичивания лишних денег. Для этого магазинное начальство и держало лоточников. Выручка лоточника не проходила через кассу и на фискальных чеках не учитывалась. В те времена на чеке указывался лишь номер отдела, через который продавали тот или иной товар, и если, предположим, за месяц покупатели были обсчитаны на масле, сыре и колбасе на тысячу рублей, то достаточно было пропустить через лоточника на тысячу рублей столовых яиц или дешёвых кур, а потом отметить эти товары, как проданные через зал. Сейчас фискальный чек отмечает не отдел, а полный ассортимент продуктов. Вот я вернулся из магазина, достал чек и вижу не просто потраченную сумму, а то, что мною куплена свёкла свежая на сумму семнадцать рублей пятьдесят пять копеек, сметана «Снежок» стоимостью шестьдесят один рубль, что для внуков, которых я завтра жду в гости, куплено печенье «Сказочные джунгли» и слойка «Ромашка» — всё с обозначением веса и цены. Как в этих условиях обналичивать обвес покупателей, ума не приложу, но, отчего-то, уверен что схемы обналичивания, простые и верные, существуют и сегодня, что они созданы и работают.

Основные суммы, официальные и неофициальные, шли через гастроном и обналичивались лоточником Володей. Бакалея считалась как бы примкнувшей к гастрономическому отделу, её выручка была в несколько раз меньше. Но и там набегал лишний товар, в основном за счёт фасовки сахарного песка, риса и шоколадных конфет. Чтобы обналичивать их, при магазине

существовал табачный киоск. Собственно, сигареты шли через отдел Сергей Саныча, но вместе с ними продавались дорогие конфеты, жевательная резинка, которая тогда только что была разрешена советским людям, а в предновогодние дни — спешно собранные детские подарки: целлофановый кулёк, в котором лежали маленькая пачка вафлей, пригоршня всяко-разных конфет и непременная мандаринка.

Кстати, мандарины во второй половине восьмидесятых не были таким уж дефицитом. Это был сезонный товар: перед Новым Годом он появлялся в свободной продаже, а в остальное время его попросту не было.

Табачница, тихая миловидная женщина, кстати, абсолютно некурящая, приходила после открытия магазина. Сопутствующие бакалейные товары она относила в киоск сама (товары эти обычно умещались в корзину, какими пользовались покупатели). А вот сигареты отвозились на тележке грузчиками. Если сочную женщину «ставил и снимал» я, то табачницу непременно вывозил Саня Хромой Глаз. На этой халтуре он зарабатывал пачку «Памира» — самых дешёвых и вонючих сигарет, которые смолил непрерывно.

Я, человек некурящий, в «Памире» не был заинтересован совершенно, и к табачной кладовой имел отношение не чаще раза в месяц, когда с базы приходил фургон полный дымного зелья. И киоск, стоявший при входе в универсам, так и остался бы для меня необязательной частью антуража, если бы не печальная история, положившая конец торговой карьере тихой сигаретной женщины.

В тот далеко не прекрасный день в универсаме появилось несколько цыганок. Прошлись между стеллажей и витрин, что-то купили. Укладчица в зале и контролёр на кассах немедленно приняли боевую стойку, провожая взглядом каждое движение опасных покупательниц. А вот, когда минитабор вышел из магазина, наблюдение за ними прекратилось. И в это время старшая из цыганок подошла к табачному киоску, протянула в окошечко рубль и попросила пачку сигарет. А потом негромко добавила:

— Сдачу-то давай.

И табачница отдала в виде сдачи всю дневную выручку — больше двухсот рублей.

Спохватилась она лишь через полчаса, когда цыганок и след простыл. Бедная женщина в слезах прибежала в магазин. Рассказ её всячески обсуждался на всех фасовках и прочих подсобных помещениях. Пострадавшую все жалели, но что делать, никто не знал. Любопытно, что никто не предложил обратиться в

милицию, и никто не кинул клич, чтобы скинуться по два рубля, чтобы покрыть недостачу. Думается, такое поведение типично для работников торговли, где привыкли предоставлять проколовшихся своей судьбе, а от правоохранительных органов не ждут ничего, кроме убытков.

Ситуацию разрулил Сергей Саныч. Подсчитал точный ущерб и, не оформляя никаких документов, раскидал его по всему отделу, так что двести рублей незаметно растворились среди мелких краж, совершённых покупателями, и обвесов на масле и сыре. Табачницу в тот же день уволили по собственному желанию, а недополученную зарплату также направили на погашение долга.

Так или иначе, киоскёрша отделалась относительно легко. За пропажу двухсот рублей, прими дело официальный оборот, её могли и посадить.

Потом в табачном киоске ещё кто-то торговал, но этот кто-то уже не оставил в моей памяти никакого следа.

РОСТОВСКИЙ РАЗРУБ

Мясной отдел большого магазина, это центр, вокруг которого крутятся интересы всех сотрудников. Рубщика знают по имени, и ему дозволяется многое. Фасовщицы болтали, будто за каждый день работы администрация отстёгивает мяснику двадцать пять рублей. Когда я впрямую спросил мясника Володю, правда ли это, он пожал плечами и ничего не ответил. Это, при том, что прочими секретами мастерства делился охотно.

Оказывается, красивая схема разруба, висевшая некогда в каждой мясной лавке, это схема смоленская. А кроме неё, существует ещё множество способов разрубить полутушу на части, которые предлагаются покупателям. В смоленском разрубе говядина идёт первым, вторым и третьим сортом, каждый по своей цене. Разрубы московский и ростовский второго сорта не признают. Кроме голяшек и зареза всё идёт первым сортом, да и то, зарез частенько удаётся сбагрить не за третий, а за первый сорт. Разумеется, смоленский разруб остался только на картинках. В магазинах вот уже сорок лет царствуют ростовский и московский разрубы.

Мясников в магазине было двое и различались они весьма решительно.

Иван — пожилой татарин, в котором татарского было только любимое словечко «якши». Иван практиковал ростовский разруб. Чисто мякотных кусков при этом не получается. Как ни верти, но косточку, иной раз порядочную придётся купить. Дома кусок мяса разделываешь окончательно: это на суп, это на бефстроганов. Лангетов при ростовском разрубе не полагается, жри, что дают. Даже для работников универсама Иван не делал исключения, и бескостного кусочка не вырубал.

Проработал Иван на моей памяти не долго, у него случился инфаркт, и с тяжёлой мясницкой работой пришлось расстаться. Пару месяцев Иван проработал укладчиком в хлебном отделе, а потом вышел на пенсию. На его место взяли молодого парня Серёжу, который, как и Володя был сторонником московского разруба.

Для работников универсама московский разруб куда как приятнее ростовского. Куски получаются гораздо мясистее, а для своих и вовсе вырубаются части без костей.

Вот ведь чудо чудесное — туша одна, а при московском разрубе костей меньше!

— Гляди, — говорит Володька, — какой кусочек мякотный. На прилавке и минуты не пролежит, какая-нибудь дура схватит. А

называется он «кирпич»…

Кусок и впрямь похож на кирпич. Со всех сторон у него чистое мясо, лишь на торцах вглубь уходит тонкая мозговая кость.

— А теперь — во! — Володя рубит кирпич наискось, и становится видно, что внутри мякотного кусочка прячется преогромный сустав, размером с два кулака. Мяса практически нет, так что, часть эта должна идти даже не вторым, а третьим сортом. Володька быстро расколотил испорченный кирпич на несколько кусочков и приложил их в качестве довесков к приличному мясу.

Вообще-то, никаких довесков с косточкой в мясницком деле быть не должно. Довески получаются либо у неумехи, либо, если мясник отрубил кому-то чистой мякоти, а оставшуюся кость распихивает прочим покупателям. А кирпич и впрямь покупается неопытными хозяйками по цене первосортного мяса, а потом неудачливая повариха не знает, что делать с купленным мослом. Я и сам когда-то, в доуниверсамной жизни, цапнул с прилавка такой привлекательный кирпичик, а потом мучился, пытаясь выкроить из покупки какое-то подобие обеда.

Коммуникабельный Володя не только рассказывал о тайнах своей профессии, но и с готовностью взялся учить меня ремеслу, хотя становиться мясником я совершенно не собирался. Рука у меня верная, поэтому блинов я не лепил и довольно быстро выучился разделывать свиные туши. А вот с говядиной вышел затык. Оказалось, что силы и точности для рубки мяса совершенно не достаточно. Главное в этом деле — резкость. А я человек очень медлительный. Силы прорва, а чтобы выплеснуть её в одном ударе, этого нет. В результате, единственное, чего я достиг — умение разрубить полутушу напополам, затем отделить от передка часть, которая называется «корыто» и аккуратно разделать его на грудинку. Тут тоже есть свои хитрости. Можно вырубить соколок, который идёт на элитную грудиночку, а остальное, с твёрдыми рёбрами сбросить быдлу, можно рубить тонкие и длинные кусочки, так что в каждом весе достанется и рёбер, и соколка.

А прочие части говяжьей полутуши моим медлительным ударам не поддавались.

Получается, чтобы стать мясником, тоже нужен талант. И как бы ни мечтал я царить над разрубочной колодой, эта карьера для меня заказана.

Кстати, о разрубочной колоде. Настоящим шоком было, когда магазин получил для мясного отдела две новые колоды. Здоровенные, метр диаметром и полтора места в высоту, кряжи

красного дерева, прибывшие в наши палестины прямиком из Вьетнама.

— А из чего ещё? — объяснял Володя, любовно зарубая торец колоды. — Хвойные нельзя, мясо смолой пропахнет. Берёза щепится будет, липа слишком мягкая. Вот и остаются дуб и красное дерево.

С боков колоду выкрасили масляной краской, скрыв благородную текстуру, торец очень быстро почернел. Каждый день, в конце смены мясники скоблили его ножом и посыпали крупной солью. Колода стала как колода, обычная большая деревяха. И ничто не напоминало о её благородной сущности.

Подошёл новый 1986 год. Тридцать первое декабря пришлось на нашу смену. Никакого сокращённого рабочего дня нам не полагалось, работали до девяти вечера. Машин, правда, было немного, зато винный отдел пришлось дотаривать трижды. За день до праздника машина, привозившая бочковые солёные помидоры, привезла одну бочку солёных огурцов — подарок базы работникам универсама. Отдел обслуживания ветеранов по спискам выдал наборы со сгущенным молоком, зелёным горошком и колбасным фаршем «Завтрак туриста». Говорят, прежде директор перед новым годом выставлял бригаде грузчиков бутылку водки, но, по случаю борьбы с алкоголизмом, эта добрая традиция осталась в прошлом. Ничего нового не предвиделось, рабочие ждали конца смены.

От нечего делать я забрёл в мясной отдел и обнаружил, что там царит паника. Мясник Серёжа слишком рано начал отмечать новый год. Теперь он, наподобие свиной туши, лежал на оттайке, и его можно было рубить хоть московским, хоть ростовским, хоть забытым смоленским разрубом, — Серёжа не понимал и не чувствовал ничего. А между тем, обеденный перерыв кончался, и у дверей универсама толпились граждане, отпущенные из своих предприятий не на час раньше, а сразу по проходу комиссии. И все они намеревались купить что-нибудь к новому году.

Меня никто ни о чём не просил, я просто сунулся не в своё дело. Взял тесак и довольно успешно раздолбал три свиных полутуши. Окорок рубил крупновато, ну да перед новым годом и такое возьмут, на буженину.

Тем временем магазин открылся, толпа кинулась к прилавку, и в рубочную донеслось: Говядины!

Легко сказать: «Говядины!» А я её рубить не умею. А Серёжа спит, и ничьи вопли проснуться его не заставят. А Володи дома нет, к телефону он не подходит, и, вообще, кто-то вспомнил, что он собирался на выходные на дачу и даже настрогал по этому поводу пять килограммов свиного шашлыка.

Делать нечего, взвалил на колоду передок, оттяпал корыто и принялся рубить грудинку: демократично, тонкими полосками, чтобы и простому люду соколка досталось. Один передок обкорнал, второй, третий…

Из зала кричат: «Хватит уже грудинки, на второе мяса дайте! Толстый край, тонкий филей, сек!..»

Вот ведь народ грамотный! Я и сам все эти слова знаю, а как его отрубить, это слово?

Высунулся к покупателям, крикнул: «Мясника нету, а я, что умею, то и рублю!»

По счастью, в рубочной появился Иван, вызванный Сергей Санычем с заслуженной пенсии. Что Ивану было обещано, даже и не гадаю, но магазин он выручил. Оглядел дела рук моих и «якши» сказал с большим сомнением. Потёр ладонью ноющую грудь, потом забрал у меня тесак, и размеренные удары возвестили, что возле колоды стоит настоящий мастер. Последний раз в универсаме царил ростовский разруб.

Рассказ о мясе и мясниках был бы неполон, если не рассказать, как грузчикам удавалось погреться около мясного отдела. Как на мясе поднималось магазинное начальство, было темой табуированной, ни Серёжа, ни Володя ничего об этом не рассказывали, так что об этом я могу только догадываться. А что делали грузчики, я видел сам.

Смена близится к концу. Припозднившиеся покупательницы с грустью смотрят на мясной прилавок, где лежит такое первосортное мясо, что лучше бы и никакого не было. Я возле овощного отдела собираю ящики из-под капусты. Шесть ящиков на тележку: пять пустых, шестой с ободранными капустными листьями, которые во дворе надо будет высыпать в бак с пищевыми отходами. Совсем недавно на этой мелкой работе прокололся и был уволен Толик Рецидивист, и теперь, рабочие стараются с капустой дела не иметь. Толик был пойман Мармеладовной (вот уж, от кого не ожидал!), на том, что запрятал среди грязных капустных листьев несколько пачек «тридцать шестого» чая и пытался вывезти их во двор.

А меня уже давно никто ни в чём не подозревает, и мне всё равно, капусту вывозить или винные ящики.

И тут я вижу Лёшу Морячка, который выходит из служебных помещений и передаёт ждущей у стеночки женщине увесистый пакет. А та в ответ вручает Лёше заранее приготовленную бумажку. Перехватив мой взгляд, Лёша гордо улыбается.

— Видал?

— Видал.

— Смотрю, стоит баба, чуть не плачет. Я её спрашиваю: «Надо

хорошего мяска?» — «Надо», говорит. Ну, я ей: «Давайте рублик, сейчас вынесу. Вам сколько?» Пошёл, взвесил, чек пробил — рублик в кармане.

— Ты, главное, другим не рассказывай, — посоветовал я, вспомнив отшумевшую пивную эпопею. — И не слишком зарывайся с этим делом.

— Что я, дурной? — оскорблено говорит Лёша.

Лёша не был бы Морячком, если бы сумел удержать в тайне такое открытие. Через неделю вся бригада промышляла содействием в покупке хорошего мяса. Главное, этот способ приработка был безопасен; всегда можно было сказать, что вынес мясо жене или просто хорошей знакомой. Мясо потом покупательницы проносили через кассу, где оплачивали полную его стоимость, так что, с точки зрения закона, никто ничего не воровал. Вот только лучшие куски, нарубленные для своих, стали исчезать со скоростью свиста.

Кончилось тем, что мясники стали рубить для своих только во время обеденного перерыва. Умеет русский человек малину в собственном саду топтать.

ЛЕГКОТРУДНИК

В тот не самый приятный день я, как обычно, поднялся в полшестого, а без пятнадцати семь уже сидел в раздевалке родного магазина, натягивая поверх своей одежды куртку и передник. Спустился вниз, начал прибираться в зале, вывозить во двор разбросанные ящики… Всё как обычно, но что-то не так. Вроде ничто не болит, а в ногах слабость, спина не держит; хочется согнуться в комочек и замереть.

Можно было бы попытаться себя пересилить, но, сам не знаю почему, подошёл к Нилке и сказал, что плохо себя чувствую и пойду домой.

Отпустили сразу, и я ушёл, даже не сняв передника.

С каждым шагом идти становилось всё труднее, наконец, ноги подогнулись, и я упал, не дойдя до дому каких-то полсотни шагов. По счастью следом за мной шли молодые люди, парень и девушка. Кажется, они обсуждали меня, во всяком случае, я разобрал слова: «с утра пораньше». Но когда я, стоя на четвереньках, повернул к ним лидо и просипел: «Ребята, помогите…» — они сразу подбежали, подняли меня на ноги, помогли добраться до подъезда и посадили в лифт. Дальше, я сказал, доберусь сам.

Толчок лифта вновь уронил меня на пол, и на этот раз началась боль. Плохо помню, что было потом. Полз по лестничной площадке, стоя на четвереньках открывал дверь. Кажется, выл дурным голосом, лёжа на полу в коридоре. Пока лежишь на полу на спине, поджав ноги к животу и удерживая их руками, боль слегка утихает, но стоит чуть шевельнуться, и ломота заполняет всё, не оставляя места никаким другим чувствам. Через пару дней, когда боль малость отступила, я сумел описать своё тогдашнее состояние словами: «Лежу, как гвоздём приколоченный». Кто из моих героев впоследствии произнёс эти слова, читатель, если ему интересно, может найти сам.

Ещё через пару дней я доковылял в поликлинику. Как у нас лечат, рассказывать неинтересно. Оказалось, что у меня смещение межпозвоночных дисков, и впервые в жизни я услышал грозное: «Это навсегда». Но больше всего меня порадовали восклицательные знаки в карточке и диагноз, написанный на медицинской латыни красной шариковой ручкой. Знаний моих хватило, чтобы разобрать написанное… Цирроз печени! Вот так вот… в неполных тридцать пять.

Пришёл домой, достал лист бумаги, писать завещание. И обнаружил, что завещать-то мне и нечего. За тридцать пять лет я

умудрился ничего не накопить. Впрочем, и сейчас, к шестидесяти годам, имущества у меня не стало больше. Делать нечего, пошёл выяснять, за какие провинности медицина решила меня похоронить. Оказалось, билирубин у меня в крови на таком уровне, что бывает лишь у законченных алкоголиков за день до смерти от цирроза. А раз я грузчик, то значит, алкоголик, и мне прямая дорога «в наш советский колумбарий».

Я сразу успокоился и раздумал умирать. С тех пор, глядя на безумные лица врачей, созерцающих результаты анализа крови, я лишь усмехаюсь снисходительно. Да, билирубин у меня запредельный, холестерин, что у Ленина в двадцать четвёртом, а, если смотреть на количество тромбоцитов, то я умер от тромбопении ещё сорок лет назад. Тем не менее, вот он я, и единственное, что меня беспокоит — высокий уровень сахара в крови. Спину «навсегда испорченную», я тоже сумел поправить и когда-нибудь расскажу, как это удалось.

А покуда, с палочкой в руках я вышел на работу. Нилка прочла выданную мне справку и горестно вздохнула: «Легкотрудник!» Грузчик, которому нельзя поднимать ничего тяжёлого. А что тогда можно делать грузчику?

Две смены я возил пустую тару, выкатывал в зал контейнеры с овощами и пакетами сахарного песка. Хлеб, конечно, тоже оставался на мне, непрерывные наклоны я считал частью лечебной гимнастики. А мои товарищи в это время ворочали говяжьи полутуши.

Потом ситуация разрешилась самым неожиданным образом.

Помимо всего и прочего была в универсаме столовая. Большая комната на втором этаже, разгороженная поперёк прилавком. По одну сторону прилавка — кухонное хозяйство: газовая плита, вчетверо больше бытовой, разделочный стол, холодильник, ванна для мытья посуды. По другую — штук шесть столиков для обедающих. Грузчиков, которые вкалывают по четырнадцать часов, кормили бесплатно из расчёта один рубль тридцать четыре копейки в день. Сумма по тем временам огромная — ужраться можно! Особенно, если учесть, что никакой столовской наценки у нас не было, рубль тридцать четыре — стоимость взятых в магазине продуктов. А мясо для столовой мясник отрубал на заказ, овощи отбирались самолучшие и всё остальное — тоже. Вообще, кормить грузчиков добровольно-принудительно — была здравая идея, иначе работяги, пропивающие всю зарплату, ног не волочили бы и работать не могли. А так, по крайней мере, через день они имели полноценный обед.

Фасовщицы, укладчицы и кассиры обедали за деньги во

время пересменков, хотя большинство предпочитало чаёвничать в раздевалке (есть на рабочих местах строго запрещалось). Хозяйничала в столовой толстая тётка коммунальной внешности. Собственно, за два года этих тёток сменилось штук пять, но все они были толстыми и отличались коммунальной внешностью. Кормили они в основном щами, либо из свежей, либо из квашеной капусты, макаронами и отварным мясом, которое затем тушилось в белом или томатном соусе. Грузчики дружно приходили обедать незадолго до закрытия универсама, часиков в семь-восемь, когда повариха давно отдыхала в кругу семьи. Быстренько разогревали оставленный обед, ели, а грязную посуду сваливали в ванну, чтобы повариха помыла её утром.

И вот, как раз в пору моего легкотрудничества, одна повариха уволилась, а новой найти не успели, и мне поручили этот фронт работ.

В первый же день, с утра пораньше, я обошёл отделы и спросил, кто из работниц пойдёт обедать. Надо же было знать, на сколько человек готовить обед.

— А что будет на обед? — последовал контрвопрос.

— Борщ боярский, говяжьи рулеты в луковом соусе, картофельное пюре и яблочный компот.

— Ха-ха-ха!.. — сказали дамы.

На следующий день история повторилась.

— А что будет на обед?

— Суп-лапша с курицей, свиные отбивные с варёным картофелем, лимонный напиток.

— Ха-ха-ха… — и вновь никто не пришёл.

Третья смена:

— На обед будут щи по-французски, туркменский плов, какао с профитролями.

— Ха-ха-ха.

Следующая смена пришлась на Восьмое марта. День был выходным, но магазинов это не касалось, универсам работал как всегда, разве что винный отдел продавал усиленную дозу бормотухи, предназначенную, видимо, советским женщинам.

А поскольку у меня в холодильнике оставался изрядный запас капусты, тушёной на сливочном масле (именно такая требуется для щей по-французски), то я быстренько соорудил слоёное тесто (не помню уже, как оно делается), и испёк два пирога, которые отнёс в подарок гастрономическому и бакалейному отделам.

Изумлению женского коллектива не было предела:

— Так ты, что, вправду умеешь готовить?

— Как видите. Кто придёт обедать?

— А что будет на обед?

— Суп-клецки с фрикадельками, ростбиф на сухой сковороде, фальшивое рагу и напиток из шиповника.

— А откуда фрикадельки, их же не привозили сегодня?

— В кухне мясороубка стоит; что же я фарш не приготовлю?

Надо ли говорить, что обедать не пришёл никто? А шиповниковый сироп, который я купил в аптеке за свои деньги, я унёс домой, и дети с удовольствие выпили четырёхлитровую кастрюлю напитка, на который, кроме бутылочки сиропа пошла половинка лимона и самая капелька крепкого чая.

Ещё несколько дней я упражнялся в кулинарных изысках, которые равнодушно съедались коллегами-грузчиками. Отделы я обходил из принципа, поражая женский слух малознакомыми терминами: калья, луковая похлёбка с сыром и гренками, харчо по-домашнему…

Наконец, срок действия справки закончился, спина пришла в норму, а магазин нанял на работу очередную тётку, в жизни не варившую ничего, кроме недосоленных щей. Соскучившиеся по горячей пище фасовщицы ринулись в столовку, а я вернулся к работе грузчика, с тем большим удовольствием, что моя кулинарная фантазия начала иссякать.

И теперь, когда я вспоминаю ту историю, на память почему-то приходят бисер, апельсины и всё что с ними связано. А калью, луковую похлёбку и щи по-французски я варю исключительно для домашнего потребления.

***

Вот она, последняя глава. Предполагалось, что их будет две: «Легкотрудник» и "Кухонный мужик", но получилось так, что обе главы очень естественно слились в одну. Возможно, когда-нибудь, вспомнится что-то ещё, но пока на этом — всё. Через месячишко начну приводить всё в пристойный вид. А пока, читайте, как есть.

Святослав Логинов

24 января 2011 года.